

АБВЕР

ГЕРД
БУХГАЙТ

«ЩИТ И МЕЧ» III РЕЙХА

Спецназ Гитлера

Герд Бухгайт

Абвер – «щит и меч» III Рейха

«Яуза»

2013

Бухгайт Г.

Абвер – «щит и меч» III Рейха / Г. Бухгайт — «Яуза»,
2013 — (Спецназ Гитлера)

В отличие от СС, СД и гестапо, Абвер не был признан преступной организацией, хотя его роль в обеспечении гитлеровской агрессии невозможно переоценить, – недаром «Abwehr» (в переводе с немецкого – «защита», – «отпор») величали «щитом и мечом Рейха», «всевидящим оком фюрера» и даже «лучшей спецслужбой Второй Мировой». Эта книга – уникальная возможность заглянуть в святая святых германской разведки и контрразведки, за кулисы тайной войны, в спецхран секретных операций и диверсионных подразделений, таких как полк особого назначения «Бранденбург». Будучи кадровым разведчиком, прослужившим в Абвере 10 лет, подполковник Бухгайт обладал всей полнотой информации и в своем профессиональном исследовании, основанном не только на личных воспоминаниях, но и на архивных материалах и послевоенных беседах с сотнями бывших сослуживцев, восстановил подлинную историю этой легендарной спецслужбы от взлета до падения, от рождения Абвера до его разгрома после покушения на Гитлера летом 1944 года и казни адмирала Канариса.

© Бухгайт Г., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Предисловие автора	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	30
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Герд Бухгайт

Абвер – «щит и меч» III Рейха

Предисловие автора

В этой книге читателю предлагается полная история германской военной разведки и контрразведки – организации, которая была инструментом обороны страны и чья деятельность по необходимости сознательно содержалась в тайне.

Уже много написано об абвере и его шефе адмирале Канарисе. Но это были большей частью детективно-романтические или тенденциозные произведения. В них правда густо перемешивалась с вымыслом ради сенсации. Ошеломляет та путаница мнений, которая содержится в публикациях о Канарисе как о человеке и солдате, а также о его отношении к Гитлеру. И наоборот, очень мало известно о той политической и военной роли, которая выпала на долю абвера в период его становления, в годы его мощи и, наконец, во время краха Третьего рейха. Это вполне понятно, поскольку влияние тайных служб на решения диктаторского режима остается всегда ограниченным и в значительной мере не фиксируется документально.

И все же наступает время открыть истину, отвергнуть те обвинения, которые были выдвинуты с Востока и с Запада в адрес абвера и его шефа Канариса. Но при этом следует принять во внимание, что документов, письменных приказов, отчетов и заметок, доступных для исследователя, весьма немного. Это объясняется тем, что большая часть решений, в том числе и принципиальных, принималась ради сохранения тайны в форме устных распоряжений, а письменные оставались во многом неизвестными даже самому узкому кругу посвященных. К тому же при развале или провале отдельных органов абвера почти вся их документация, как правило, предавалась огню. После покушения на Гитлера летом 1944 г., когда абвер был разгромлен, а его руководство арестовано, большую часть документов уничтожило гестапо. Однако сохранившиеся, к счастью, в ряде архивов ФРГ и США собрания документов оказались настолько содержательными, что позволили исследователям ответить на многие вопросы. Кроме того, все еще есть возможность привлечь и сохранить для потомков устные и письменные свидетельства и воспоминания еще оставшихся в живых сотрудников абвера (книга писалась в начале 1960 х. – *Ред.*). Я выражаю искреннее признание всем тем бывшим сотрудникам абвера, с которыми я вел все эти годы обширную переписку и от которых получил крайне ценные материалы.

Я должен поблагодарить за поиск в архивах и институтах нужных мне документов начальника Военно-исторического исследовательского центра во Фрайбурге полковника в отставке фон Гроота, директора библиотеки земли Пфальц в Шпейере доктора Метца и, не в последнюю очередь, тех многих лиц, которые обеспечили меня важными микрофильмами из архивов США. Особую благодарность я выражаю полковнику в отставке Отто Вагнеру. Он был первым, кто выдвинул идею создания развернутой истории военной разведки и контрразведки Германии и словом и делом неустанно способствовал ее осуществлению своим личным участием.

Глава 1

Тайная служба – сущность, задачи, своеобразие

Задача любого нормального государственного руководителя состоит в том, чтобы добиваться целесообразного ведения общественных дел, обеспечивать правопорядок и благополучие своего народа и способствовать росту мощи и уважения государства, объединяющего все население страны. Можно определять задачи высшего руководства государства и по-иному, однако любой, кто решил заняться государственной политикой, должен прежде всего детально и по существу ознакомиться с текущей обстановкой, чтобы прийти к верным выводам и оценкам. Любая обстановка таит много неопределенностей, чему причиной прежде всего незнание условий и намерений реальных или вероятных политических противников, равно как и политических друзей. И те и другие стремятся, особенно в конфликтных или спорных ситуациях, держать свои намерения в тайне друг от друга, скрывать свои возможности и средства. Наряду с этим государственный деятель обязан собирать достаточно достоверные сведения о планах, возможностях и средствах других государств, о которых ему не стало известно из легальных источников информации. Поэтому каждое государство пользуется услугами тайных клиентов-лазутчиков, агентов, способных добираться до тайных замыслов других наций. Так было на протяжении всей истории человечества, и так же все останется в будущем, пока мы не достигнем идеального состояния подлинного мира¹.

Значит, нужно всегда исходить из того, что противная сторона не откажется от осуществления своих планов в известной ситуации также и силой оружия. Стало быть, тайная служба – это важный для государственного руководства инструмент, нацеленный в конечном счете на обеспечение защиты своей страны. Понимание этого облегчает даже беглый взгляд на историю. Старейшая из тайных служб (если не считать существовавших в античности и в древних ушедших культурах) британская Сикрет Сервис обрела себя как государственное формирование при Эдуарде III (1327 – 1377). Она предназначалась для охраны трона и обеспечения придворной кабинетной политики, особенно при Генрихе VII (1485 – 1509), который придал ей двойственную структуру – для действий внутри (для чего он объединил службу сбора информации с полицией, создав сыск) и вовне (для чего превратил службы внутренней безопасности в средство и элемент внешней политики). Ко времени Елизаветы I (1558 – 1603) Сикрет Сервис стала одной из самых эффективных в Европе. Каждый последующий правитель, будь то Карл II, Яков II или Вильгельм Оранский, всемерно содействовал ее развитию, делая ее незаменимым средством политики².

При Наполеоне I его министр полиции Фуше создал образцовую службу безопасности и сыска, в которой готовились кадры специалистов по анализу разных политических интриг и наблюдателей за идейной оппозицией, а также агентов, засылавшихся с целью шпионажа почти во все страны континента. Они докладывали о политической и военной обстановке во всех странах от Испании до России и от Италии до Англии. Так, победу французов над австрийской армией под Ульмом в 1805 г. обеспечил некто Карл Шультмейстер, организовавший в условиях континентальной блокады централизованный экономический шпионаж³.

---

¹ Erasmus J. Der geheime Nachrichtendienst. Goettingst Beitrage fuer Gegenwartsfragen, Goettingen 1952. Эта весьма фундаментальная работа содержит 6 глав: 1) Политическая основа тайной разведывательной службы; 2) Сущность тайной разведслужбы; 3) Условия ведения разведки; 4) Правовое обеспечение тайной разведслужбы; 5) Положение тайной разведслужбы в государстве; 6) Отношение субъектов разведки к международному праву и уголовному праву.

² Seid A.: Der englische Geheimdienst, Berlin 1940, S. 7ff.

³ Die Weiltkriegsspionage, Muenchen 1931, S. 528ff; Routier: L'espionage et la trahison en temps de paix et en temps de guerre, Poitiers 1913, 36ff.

Тайная служба – это прежде всего служба сбора информации и связи. Эта информация позволяет соответствующим военным и политическим руководителям заблаговременно узнавать намерения явных и потенциальных противников и строить на этом свои планы. При поиске таких сведений тайными путями никакие наставления или мудрые приказы никогда не были и не могут быть руководством к действию. Решающая роль здесь отведена знанию разведываемой страны, владению ее языком, знанию характера и особенностей ее народа, политических и экономических проблем данного государства, а также готовности агента выполнить задание, его изобретательности, решительности, выносливости и наличию прикрытия сверху.

Эта информационная функция тайной службы с незапамятных времен относится к области межгосударственных отношений. Для этого она издревле использует доверенных лиц, шпионов, агентов влияния. Но, конечно, ни одно государство никогда не признает, что содержит шпионов. В то же время международное право рассматривает шпионаж – главную функцию тайных служб – по преимуществу не как военную акцию, противоречащую его установлениям⁴. Так, например, в судебном процессе против руководителя германской политической разведки в службе СД Вальтера Шелленберга обвиняемому были поставлены в вину не его действия в целях военного шпионажа, а нарушения правил этой деятельности, выразившиеся, в частности, в похищении людей и в участии в так называемом «окончательном решении еврейского вопроса». Так же и в шанхайском судебном процессе против сотрудников германского абвера (Бюро Эрхарда) обвинение было предъявлено не в связи со шпионажем, а на основании нарушения перемирия путем передачи разведанных японцам после 8 мая 1945 г. Однако, если шпион пойман во время войны и обличен, он может быть расстрелян, ибо ведущий войну имеет право оградить себя устрашающими мерами. Таким образом, шпионаж, хотя и узаконен международным правом, является в высшей степени рискованным занятием.

Кроме сбора информации, у тайной службы есть еще одна не менее важная задача – охранная функция контршпионажа. Она носит в целом оборонительный характер, однако может, а иногда и должна вестись наступательно с целью ввести в заблуждение вражеские секретные службы или внедриться в них. В этом случае говорят о контрразведке, или контршпионаже, – особой сфере деятельности, овладение которой требует исключительных способностей и знаний.

Еще одной отраслью тайной службы являются диверсии и саботаж. Эти действия направлены против определенных объектов, например против пунктов и баз снабжения и путей подвоза в тылу врага, крупных объектов военной промышленности, шахт и рудников, нефтепромыслов и нефтеперегонных заводов, а также мостов, аэродромов и т. п. В задачу политических диверсий входит также внедрение в политические группировки (партии) или движения в лагере противника и их разложение или переориентация. Сюда же относится и использование оппозиционно настроенных политических меньшинств. Особой задачей диверсий считаются покушения на представителей военного и политического руководства. В принципе диверсии проводятся только во время войны, но планируются и усиленно готовятся уже в мирное время⁵.

Вынужденная необходимость работать так, чтобы никто не знал об этом и не мог наблюдать за сотрудниками секретных служб, что требует постоянной маскировки, окружила их ореолом романтики. Агенты тайных служб вызывают восхищение, но зачастую их просто боятся. Порода людей, из которых формируются тайные службы, складывается из представителей самых различных народов и слоев общества. Среди них встречаются и продажные элементы, и случайно оторванные от родины, и прирожденные предатели, и авантюристы по призванию, и идеалисты-романтики. Однако для разведки и контрразведки вовсе не важно, через кого они получают нужную информацию. В принципе же тайные службы должны настра-

---

⁴ Leverkuehen P. Der geheime Nachrichtendienst der deutschen Wehrmacht im Kriege, Frankfurt 1960, S. 31.

⁵ Leverkuehen P. Der geheime Nachrichtendienst der deutschen Wehrmacht im Kriege, Frankfurt 1960, S. 31.

иваться на «ловлю» таких людей во всех слоях населения, а это предполагает, что офицеры и агенты тайных служб должны быть хорошо обучены обхождению с людьми и обладать повышенной чувствительностью и интуицией. Вербовки доверенных людей и агентов должны вестись крайне тщательно, так как они должны действовать искусно, скрытно и надежно. Но в то же время они должны иметь какую-то гарантию того, что секретная служба, которой они обязались служить, соответствующим образом вознаградит их, а в случае крайней опасности придет им на помощь. Однако, даже обладая выдающимися способностями, доверенные лица и агенты могут успешно работать только тогда, когда «ведущий» их офицер будет «вести их целесообразно и добросовестно». Иными словами, деятельность тайных служб – это планомерно осуществляемая и тщательно продумываемая работа профессионалов высокого класса. Она требует холодного расчета и здравой оценки всех обстоятельств и трудностей, но прежде всего – терпения и выносливости.

Собственно говоря, именно из деятельности тайных служб и вызревает в конечном счете командование войсками или управление государством. И к этому нельзя приплести ничего «таинственного» или тем более «одиозного». Такие представления о тайных службах возникают чаще всего тогда, когда неопытные сотрудники спецслужб изолируют себя от окружающего мира. И тогда они терпят крах, ибо в этом случае даже у случайных наблюдателей пробуждается любопытство. Поэтому затворничество тайных агентов должно кончаться там, где оно становится опасным для жизни. Куда полезнее и выигрышнее определенная самоуверенность и раскованность поведения агента в обществе. Да и маскировка тоже не должна быть самоцелью, а использовать ее следует только при проведении операций, в которых она принесет наибольшую выгоду. В условиях, когда возникает большой приток людей в тайную службу, которые настроены индивидуалистически, весьма желательно добиваться постепенного развития «профессионального духа» в интересах дела. Эта цель может быть достигнута тем легче и быстрее, чем чище и достойнее будет осуществляться руководство тайной службой. При этом никак нельзя делать общим правилом тезис о том, что «я служу своему отечеству и не важно – хорошее оно или плохое», хотя это и весьма «удобный» принцип. Ведь офицеры тайных служб «не являются ни криминалистами, ни следователями, ни прокурорами, ни палачами».

Обозревая эту область деятельности с такой точки зрения, мы невольно приходим к выводу, что во главе секретной службы должна находиться независимая и ничем не запятнанная личность. К тому же эта личность должна гарантировать, что ни при каких обстоятельствах она не позволит использовать себя и свое дело в каких-либо партийно-политических интригах. Лишь тогда тайная служба сможет остаться верной своему делу даже при изменении страной своего политического курса. И действительно, вряд ли найдется такая военная или политическая организация, на которой не отпечатался бы столь явно штамп личности ее шефа, как тайная служба. Ведь именно он направляет своих подчиненных, ставит им задачи и обозначает пределы их компетенции и границы своего влияния, именно он определяет и методы работы, именно от него зависит в решающей степени, будет ли тайная служба соблюдать нормы международного права и гуманности или власть будет использована для террора и преступлений.

Можно спорить, существуют ли в сфере секретных служб обязывающая профессиональная мораль или какие-то международные договорные принципы. На практике же все сводится к довольно широкому набору весьма произвольных «правил игры» – как корректных, так и беззастенчивых – и различных путей выполнения задач – как прямых, так и окольных. И по каким рельсам движется та или иная секретная служба, в значительной мере зависит от того человека, который ею руководит, от того авторитета, которым он пользуется, от уважения, которое он вызывает своим примером.

Глава 2

Германская тайная разведывательная служба. 1912–1918 гг.

Было бы, разумеется, превосходно описать историю германской тайной военной службы с самого ее рождения. Однако с какого времени можно вообще говорить о германской тайной службе?

В 1928 г. первый после мировой войны шеф разведки и контрразведки рейхсвера генерал-майор Гемп закончил написание до сих пор еще не изданного манускрипта, в котором подробно излагалась история «Тайной разведывательной и контрразведывательной службы сухопутных войск Германии с 1866 по 1918 г.»⁶. Автору не понадобилось вторгаться в эпоху существования мелких разрозненных германских княжеств, так как до середины XIX в. при дворах князей подвизались лишь отдельные завербованные ими шпионы и лазутчики. Информирова своих заказчиков обо всем, что творилось в военно-политическом плане за пределами их земель, они прибегали к подкупу, разным ухищрениям. Но этим импровизациям было очень далеко до хорошо организованной тайной службы. Только во время войн 1866 г. и 1870–1871 гг. прусская тайная военная служба вместе с созданной Бисмарком полевой жандармерией под начальством Вильгельма Штибера сумела стать постоянной организацией и добиться серьезных успехов. Начало было тем самым положено. Тем не менее Большой генеральный штаб даже после основания рейха никак не мог решиться на создание достаточно широкой и специализированной секретной службы разведки и контрразведки. Мало-помалу при кайзере Вильгельме II в Берлине сложился некий орган, личный состав которого насчитывал около дюжины офицеров, а бюджет составлял 300 000 марок. Такая «служба», конечно, не могла конкурировать с тайными службами великих держав – Англии, Франции и России. Это во многом объяснялось тем, что Германия в отличие от великих держав, имевших интересы во всем мире, ориентировалась в силу своего геополитического положения в основном на континент Европы. Даже в сравнении с австро-венгерским разведывательным бюро в Вене, которое уже после разоблачения предательства полковника Редля⁷ сумело под руководством генерала Остромицеца (1909 – 1914) развернуть на Балканах хорошо функционировавшую шпионскую сеть, служба разведки в Большом генеральном штабе в Берлине оставалась третьестепенной или даже еще более незначительной. Она предназначалась только для выяснения чисто военных вопросов в потенциально враждебных странах. Вести политический или промышленный шпионаж ей запрещалось. Для этого были разные причины. Военные почти всегда отказывались вмешиваться в политические вопросы или прибегать к полицейским методам и политическим провокациям, а с политиками и исполнительными властями они связывались лишь в чисто служебном порядке. Как государственные секретари по внешним делам, так и политические партии ревностно следили за тем, чтобы военная разведка не выходила из своей узкой сферы военных проблем. И это при том, что германский рейх не располагал централизованной службой военной разведки. И вот, если еще за 100 лет до этого князь Меттерних уже мастерски координировал на Венском конгрессе 1815 г. действия дипломатической, политической и военной разведок, а британские службы превосходно работали в тесном контакте друг с другом, то офицеры германской разведки даже после окончания Первой мировой войны вынуждены были признать: «Как в Германии, так и в Австро-Венгрии не было единообразного руководства

---

⁶ Рукопись Гемпа автору удалось получить и просмотреть в Службе национальных архивов в Вашингтоне, в отделе архивов 2 й мировой войны. Она насчитывает 14 частей.

⁷ Die Weltkriegsspionage, Muenchen 1931, S. 558ff.

разведслужбой. Министерства иностранных дел занимались разведкой, вовсе не согласуясь с потребностями военного ведомства. Столь же оторванной от других задач была и борьба с вражеским шпионажем, поскольку она выполнялась органами полиции. Между политической и военной разведкой не существовало практически никакого взаимодействия»⁸. Следствием этого стало то, что в 1914 г. германская военная разведка оказалась плохо информированной о настроениях и политических целях наших противников.

Настоящее строительство самостоятельной службы разведки и контрразведки в Большом генеральном штабе было начато только в конце 1912 г. По распоряжению начальника оперативного отдела полковника (впоследствии – генерала от инфантерии) Людендорфа подполковнику (позже – полковнику) Николаи было дано задание реформировать разведслужбу. Новый отдел получил официальное обозначение «III-b». Тем самым был сделан первый шаг в решении давно назревшей задачи. Ведь до этого при корпусных штабах (военных округах) имелись только немногие офицеры связи и разведки, эпизодически инструктировавшие свое начальство о важнейших моментах, какие могут встретиться в будущем. Они поддерживали связь с пограничными войсками и полицией, которые были ответственны за борьбу со шпионажем.

Перед началом Первой мировой войны отдел «III-b» насчитывал около 80 офицеров. Постепенно начали увеличиваться и группы разведофицеров в пограничных военных округах. Но сфера задач ограничивалась чисто военным сектором. В этих условиях догнать тайные службы потенциальных противников, активно работавшие уже много десятилетий, не представлялось возможным. К тому же Людендорфу удалось добиться того, что бюджет отдела «III-b» был увеличен до 450 000 марок в год. Но что мог дать такой бюджет по сравнению с 13 миллионами рублей, выделяемых на эти цели Россией! К тому же на тайную службу уже было наклеено позорное клеймо «грязного дела», и полковнику Николаи лишь с огромным трудом удалось постепенно несколько изменить отношение общества и руководства к секретным службам.

Разработку конкретных операций Николаи препоручил своим референтам, а исполнительные полицейские функции – прикомандированному к нему советнику полиции Бауэру. Свою задачу Николаи видел не столько в техническом выполнении ставившихся перед ним задач, сколько в консультировании вышестоящих начальников на основе полученных разведывательных данных. Он хотел быть прежде всего офицером генерального штаба, добросовестно делающим выводы из полученных донесений. Однако сам он в своей книге «Тайные силы» утверждает, что анализом донесений отдел «III-b» не занимался⁹. Это так и было, однако из книг Николаи, опубликованных после 1918 г., стало известно многое об «аналитическом подходе» к сообщениям, хотя ничего существенного об общей линии действий, организации и условиях, в которых действовала тогда служба военной разведки и контрразведки, в них не было. Бывший шеф службы «III-b» об этом умалчал, как и обо всех своих тайных помощниках и их действиях. Для этого у него были свои причины, так как по условиям Версальского договора 100 тысячный рейхсвер очень строго контролировался победившими союзными державами.

Те, кто имел дело во время войны с полковником Николаи, знали его как офицера, наделенного крайне обостренным чувством долга. Он очень внимательно наблюдал за всем, что творилось в Большом генеральном штабе и в штабах крупных войсковых соединений, и с присущим ему гражданским мужеством критиковал решения, принимаемые по небрежности, легкомыслию или слабости характера. Он постоянно доказывал, что моральная слабость руководства гораздо опаснее, чем любой шпионаж и другие подобные действия противника¹⁰. Отсюда

---

⁸ Nicolai W.: Geheime Maechte, Leipzig 1923.

⁹ Nicolai W.: Nachrichtendienst, Presse und Volksstimmung im Weltkrieg, Berlin o. J.

¹⁰ Частные сообщения автору.

вполне понятно, что этот офицер, опубликовав свои воспоминания, не стал больше заниматься вопросами тайной разведки и контрразведки и даже не попытался войти в контакт с тайными службами нового вермахта. Из этого вовсе не следует, что Николаи был недостаточно компетентным начальником разведки. Еще перед началом Первой мировой войны он строго придерживался правила, чтобы его офицеры знали своих агентов в лицо и «прощупывали их до печенок», прежде чем давать им задания. Следовало учитывать все свойства характера и способности агента – как хорошие, так и плохие, причем последние также должны были использоваться, а не ставить на агента крест. Хотя он и был твердым сторонником жесткой прусской военной дисциплины, его отличали изобретательность и динамичность. Он был кем угодно, но не бюрократом, и не было другого офицера генерального штаба, который настолько подходил для должности начальника отдела «III-b», как полковник Николаи.

Основным направлением деятельности германской военной тайной службы был сбор сведений о строительстве французской и русской сухопутных армий, а также английского военно-морского флота, выявление оперативных планов их генеральных штабов. Особые трудности создавало ведение разведки в России, чья разветвленная и мощная полицейская система контроля и слежки делала весьма рискованным любое нежелательное любопытство в отношении армии. Дело усложняла и огромная территория царской империи, и строгий контроль, и не в последнюю очередь языковые трудности. В таких условиях было исключительно трудно вербовать нужных агентов и лазутчиков. Приходилось тратить значительные средства на подкуп и оплату выполненных заданий. А немецкая сторона проявляла завидную скупость в вопросе о выделении денег на тайную службу. В штабах 1 го и 20 го корпусов в Кёнигсберге и Алленштайне в то время в отделах разведки и контрразведки числилось по одному офицеру и одному унтер-офицеру на должности писаря. И это при том, что разведка военных приготовлений в России по мере ухудшения политической обстановки становилась все очевиднее серьезной потребностью Германии и ее союзницы Австро-Венгрии.

Неясность военно-политического положения в России вызывала у генерального штаба сильнейшее беспокойство вплоть до середины июля 1914 г. Как известно, в те полные драматизма дни кайзер Вильгельм II все время тянул с отдачей приказа о всеобщей мобилизации. Несмотря на поступившие в генштаб сведения о развертывании русских войск, он требовал веских доказательств, подлинных документов. И такой документ сумел достать один мелкий агент по имени Пинхус Урвич, которого вел офицер разведки в Алленштайне капитан фон Рёдер. В конце июля этот торговец, курсировавший туда-сюда между Восточной Пруссией и Россией, увидел в своем родном городе Кольно большие плакаты на видных местах. Он тут же принял смелое решение, прокрался ночью к зданию городской управы и срезал один такой плакат со стены, не повредив текста. Рано утром Пинхус Урвич запряг лошадь и поехал к пограничному пункту перехода, зашив плакат предварительно под пиджак. Несмотря на строгую проверку, никто ничего не обнаружил, и он перешел границу. В свою очередь, и русские с нетерпением ждали, какие новости принесет им их агент Урвич по возвращении назад. В тот же день к вечеру капитан фон Рёдер получил от немецкого пограничного чиновника сообщение о благополучном прибытии агента Пинхуса Урвича. Взяв штабную машину, Рёдер проехал 50 км до местечка Просткен, где его ждал агент. Теперь русский приказ о всеобщей мобилизации был в немецких руках. Той же ночью немецкий офицер связи выехал в Берлин с плакатом и на следующий день положил его на стол начальнику генерального штаба. Сомнений не оставалось. Кайзер Вильгельм II подписал указ о всеобщей мобилизации в Германии¹¹.

Отличие от условий, существовавших в Германии, в российском полицейском государстве, где шпионаж и слежка с давних пор считались санкционированными верховной властью, тайная служба была хорошо организована и в военном деле. Русские училища, готовившие

¹¹ Из неопубликованных материалов подполковника в отставке Горачека.

агентов, деятельно помогали органам военной разведки благодаря крупным финансовым вливаниям и неограниченным людским резервам. Да и российские военные атташе не брезговали выполнением шпионских заданий. По-видимому, это способствовало первоначальным военным успехам численно превосходящей российской армии в ее действиях против Австро-Венгрии. Однако последовавшие за этим неудачи русских быстро привели их широкую службу военной разведки и контрразведки к износу. Налаженная ею сеть агентов была серьезно подорвана, а на импровизации в изменившихся условиях русские с их неповоротливостью не были достаточно способны.

В отделе «III-b» Большого генерального штаба существовала специализация по нескольким направлениям. Это были тайная разведывательно-информационная служба, контрразведка, дезинформация противника и диверсионная служба. Когда поступающие донесения носили военный характер, они направлялись не прямо в оперативный отдел Большого генерального штаба, а в отделение «Иностранные армии». Там их просматривали и анализировали, но без учета тех выводов, которые к ним приложил полковник Николаи. Ведь донесения, приходившие из самых разных источников, естественно, очень часто противоречили друг другу, и потому их нужно было тщательно изучать и сопоставлять, чтобы отсеять ложные. Сведения, полезные для ВМФ, передавались в морской генеральный штаб, технические сведения – соответствующим органам власти, а доклады политического содержания – политическому отделу ставки верховного командования, который уже мог затем передать их дальше министерству иностранных дел. Донесения экономического характера шли в специально для этого созданное центральное бюро внутреннего управления генштаба (во время войны) в Берлине. Таким образом, в верховном командовании обрабатывались только чисто военные донесения, которые складывались в общую картину. При передаче наверх своих донесений германскую разведслужбу меньше всего заботил вопрос о том, что хотят услышать «верхи». Она исходила всегда из четкого признания превосходства противника в живой силе и технике. Точно так же вел себя и абвер в годы Второй мировой войны. Но если в 1914–1918 гг. германское верховное командование принимало в расчет эти сведения и выводы, то верховный вождь Адольф Гитлер полностью игнорировал предостерегающие доклады своей тайной службы.

Нет такой секретной службы, которая всегда имела бы только успехи. Последние неизменно чередуются с неудачами, иногда даже очень серьезными, если не сказать решительными, провалами, которые зачастую обусловлены чистыми случайностями. После того как командование германского ВМФ приняло решение о неограниченной подводной войне, статс-секретарь германского министерства иностранных дел Циммерманн направил своему послу в Вашингтоне графу Берншторфу специальную инструкцию. Это послание было перехвачено британским адмиралтейством и направлено соответствующему отделу Интеллидженс Сервис. Хотя оно и было зашифровано очень сложным способом, англичане в конце концов его расшифровали, и едва это случилось, как в британском Форин Офисе поняли его чудовищный смысл: Циммерманн извещал посла о переходе с 1 февраля 1917 г. к неограниченной подводной войне. Берншторфу предлагалось поэтому приложить усилия к тому, чтобы Соединенные Штаты не вступили в войну. В случае неудачи он должен был обратиться к Мексике, побуждая ее к альянсу с Германией. В качестве «приманки» он должен был предложить мексиканцам совместный захват американских штатов Техаса, Нью-Мексико и Аризоны. Телеграмма Циммерманна во многом определила решение США объявить войну Германии. Этот пример показывает, насколько небезопасна – особенно в наше время – даже самая тайная передача секретных разведывательных сведений.

Что касается деятельности германских органов контрразведки до и во время Первой мировой войны, то они себя в общем и целом вполне оправдали. Так, в 1913 г. они, взаимодействуя с полицией, сумели арестовать в пределах имперской территории 346 шпионов, что явилось, конечно, малой толикой той агентуры, которую развернули против Германии Фран-

ция, Англия и Россия. В ходе войны вражеские тайные службы получили немалое пополнение из оккупированной Бельгии и захваченных немцами районов Франции. Во вражеские шпионские центры пришли на службу как патриоты, так и авантюристы. Только в начале 1917 г. германской тайной службой было раскрыто около 500 вражеских агентов, действовавших в Голландии. Не меньше их было и в Бельгии, где в одном лишь Генте в 1917 г. было расстреляно за шпионаж 52 бельгийца.

По сравнению с деятельностью разведки и контрразведки борьба с диверсиями большой роли не играла. За период с 1914 по 1918 г. в Германии было зафиксировано всего лишь 33 случая диверсий, исполнители которых были схвачены и казнены. В большинстве случаев это были взрывы бомб, поджоги и т. п. Диверсанты Германии и ее союзников совершали значительно больше таких актов на территории Англии, Франции и Италии, в их морских портах и в колониях. Большое распространение в этом плане получили «угольные торпеды», взрывные устройства, вмонтированные в крупные куски каменного угля. С их помощью военным флотам противников был нанесен немалый ущерб. Так, 26 ноября 1914 г. в гавани Ширнесса (Англия) без всякой видимой причины взлетел на воздух линейный корабль «Булварк» водоизмещением 15 000 т; 30 декабря 1915 г. на рейде Кроумарти (Шотландия) та же участь постигла броненосный крейсер «Наталь» (13 500 т), а 27 мая 1915 г. тоже в Ширнессе взорвался новейший тогда крейсер «Принсесс Айрне» (6000 т). Англичане приняли меры безопасности, и диверсии на время сократились, но затем бдительность опять ослабла, и в ночь на 9 июля 1917 г. на сей раз в главной базе британского флота Скапа-Флоу был таким же образом потоплен один из самых современных и мощных кораблей британского флота линкор «Вэнгард» водоизмещением 23 000 т. Чувствительные потери были нанесены и флотам других противников. Уже через несколько недель после перехода Италии в лагерь Антанты, 27 сентября 1915 г., в порту Бриндизи взорвался линкор «Бенедетто Брин» (13 400 т), а вскоре после этого в гавани Таранто затонул по той же причине линкор «Леонардо да Винчи». Но после того, как в ходе налета на австрийское консульство в Цюрихе итальянские лазутчики напали на материалы, связанные с подрывом «Леонардо да Винчи», по всей Италии были приняты жесткие меры по обеспечению безопасности и борьбы со шпионажем. Такие же диверсии имели место на Черном море, а позже – на заморских территориях, в частности на реке Замбези в Африке, в Японии и в одной из греческих гаваней. По общему водоизмещению кораблей, потерянных в результате диверсий (153 400 т), это превышает потери англичан в морском сражении при Скагерраке в мае 1916 г. (115 000 т). Эта «война во тьме» явила собой «блистательную победу одиночек над массой и над материей»¹².

Помимо разведслужбы, руководимой отделом «Ш-в» генштаба сухопутных войск, в морском генеральном штабе была своя служба разведки и связи, которая была оснащена всеми мыслимыми в то время техническими средствами. Здесь готовились и проводились операции германских подводных сил. Морской генеральный штаб в первые годы войны был хорошо информирован о положении всех британских судов и кораблей, выходящих из американских портов и шедших в Англию, поскольку они регулярно посылали по радио шифрограммы. Развернутая близ нью-йоркской гавани радиостанция мощностью 110 кВт, которой владели «друзья немецкого дела», могла в течение долгого времени перехватывать эти английские шифровки, расшифровывать их и сообщать о местоположении судов германским подводным лодкам. Уже после войны американцы утверждали, что германский военно-морской атташе капитан I ранга Бой-Эд имел копию тайного кода британского адмиралтейства¹³.

Руководимая полковником Николаи служба военной разведки и контрразведки была обязана своими успехами прежде всего кропотливой и четкой работе, а с 1909 г. также и активному

¹² Generalmajor d. R. Kerschnaw in: Die Weltkriegsspionage, S. 264ff.

¹³ Oberst a. D. Freiherr von der Goltz, in: Die Weltkriegsspionage, S. 501.

взаимодействию с австро-венгерским Эвиденц-Бюро (тайной службой) в Вене. Да и турецкая военная разведка, созданная при участии немецких офицеров, действовала на тех же принципах, что и наша. Многие турецкие офицеры обучались в Германии, а к турецким корпусным штабам были прикомандированы немецкие офицеры.

Характерно, что при всей четкости планирования мероприятий, проводившихся отделом «III-b», в том числе и различных импровизаций, агентам, шпионам и авантюристам оставался широкий простор для инициативы. А как же еще можно было руководить на огромных территориях действиями агентов и «клиентуры», выполняющих особые задачи в эпоху, когда радиосвязь находилась еще в зачаточном состоянии?

Одним из самых умелых агентов, действовавших на нашей стороне за пределами Европы, был некто Пройсер. Став археологом, он в молодые годы долгое время вел научную работу в Малой Азии и на Среднем Востоке и очень хорошо изучил эти страны и их народы. Там он однажды столкнулся со ставшим впоследствии всемирно известным английским разведчиком полковником Лоуренсом. Они дружили, но война разделила их: Пройсер стал сотрудником штаба германского генерала Крессенштайна в Дамаске, Лоуренс начал работать в «Арабском бюро» в Каире. Независимо друг от друга оба решили заняться шпионажем и пропагандой среди бедуинских племен в поддержку своих стран. Под видом кочевника и с подкрашенной кожей, Пройсер проникал за линии английских позиций и по возвращении в штаб докладывал обо всех своих наблюдениях. Он говорил на многих арабских диалектах и благодаря своей ловкости и умению изменять внешность так и не был пойман. В конце концов ему удалось приблизиться к самому центру британского шпионажа в Каире, и здесь он снова превратился в европейца, поселившись в отеле «Шеферд».

Как человека, наделенного такими же способностями, описывают нам хроникеры и другого немецкого агента Франке. Рассказывают, что он когда-то был строевым офицером, однако никто не знает точно, как его звали. Франке было около 40 лет, он имел высокий рост и лицо южанина. У него были ярко выраженные артистические способности, железные нервы и небывало живая сообразительность. Переодетый английским офицером, он много раз ходил по вражеским тылам, что считается самым трудным делом для тайного агента. При этом он менял форму одежды в зависимости от обстоятельств: появлялся то в форме офицера английского генштаба, то как шотландский майор, то как капитан австралийской армии. Однажды под видом артиллерийского полковника он проник в Райю, где располагался основной склад боеприпасов англичан, и заявил, что по поручению штаба своей стоявшей неподалеку дивизии должен немедленно произвести инвентаризацию склада. А в другой раз в форме капитана генштаба приехал в штаб одной артиллерийской бригады, чтобы «в соответствии с приказом» обсудить с ее командиром запланированное в интересах близившегося наступления строительство дамбы. Лишь случайно англичане обнаружили, что имели дело с фальшивым генштабистом. Когда Франке уже исчез, в штабе бригады вспомнили, что он неверно называл некоторые факты. Позвонили в главный штаб. Там люди удивились такому происшествию и принуждены были полностью изменить весь план затопления выбранного участка местности. Во второй половине войны Франке, приняв обличье офицера генштаба, проинспектировал всю линию фронта англичан от Яффы до Иерусалима и повсюду отдавал командирам частей сбивавшие их с толку приказы. Было ли то легендой или правдой, сказать трудно, только англичане очень боялись Франке, и нередко случалось, что подлинных британских офицеров арестовывали по подозрению, что они – Франке.

Третьим в этой плеяде отважных был германский консул Васмус. Неутомимый пропагандист германского влияния и мощи на Ближнем Востоке, он был, по-видимому, самым серьезным конкурентом полковника Лоуренса. В то время как англичанин буквально поднял на ноги всю Аравию, натравливая кочевые племена на Турцию, Васмусу удалось превратить свое не очень важное консульство в Бушере на побережье Персидского залива в своеобразный центр

силы. Тогда в Персии происходило что-то вроде гражданской войны, и для умиротворения страны сюда была направлена шведская полиция, которая активно сотрудничала с Васмусом. Когда началась война, англичане арестовали его, но он убежал из-под стражи, прихватив с собой 70 фунтов золота. Он хорошо знал Персию, и это позволило ему скрыться где-то во внутренних районах страны и оттуда систематически подстрекать местных жителей к борьбе с англичанами. С их помощью он временами мог даже прерывать приток нефти в порты ее вывоза. Будучи годами предоставлен самому себе, он тем не менее постоянно поддерживал связь с генералом Лиманом фон Зандерс-пашой в Константинополе и информировал его о передвижениях войск противника от Месопотамии до Индии. Васмус растянул свои нити связи повсюду и заставлял эти связи работать. Только в одном 1916 г. англичанам пришлось ввести в Персидский залив четыре военных корабля, чтобы пресечь подвоз оружия и боеприпасов Васмусу. Доверенными лицами Васмуса были большей частью рыбаки и матросы. Для сбора сведений он подкупал даже денщиков британских офицеров. Чтобы еще больше упрочить свое положение в Персии, он женился на дочери главы племени арабов и стал магометанином. О том, как искусно он действовал, рассказывает капитан в отставке Ф. Р.: «Каждый месяц британский генштаб дважды рассылал отдельным частям карту театра военных действий. На ней были указаны позиции войск центральных держав. Наискось поперек всего восточного участка фронта стояла взятая в эллипс надпись «Васмус». Этот район по размерам превосходил Англию, а лаконичная надпись означала, что этот район находится под полным контролем германского консула Васмуса»¹⁴. Что с ним стало по окончании войны, неизвестно.

Когда в ноябре 1918 г. Германия оказалась разгромленной, в адрес германской разведки был брошен упрек: она-де оказалась несостоятельной. Напротив, следует отметить, что все крупные наступательные операции противника, по крайней мере на европейском театре военных действий, становились заранее известны, и потому эффект внезапности не достигался, если не считать нескольких случаев. Разумеется, тайная служба не могла докладывать заблаговременно о незначительных акциях с ограниченными целями. Ссылаются на внезапный удар французов в октябре – декабре 1916 г. под Верденом. Этот удар был нанесен войсками, стянутыми с соседних участков в обстановке строжайшей секретности, запрета отпусков и переписки. Естественно, что при таких обстоятельствах немецким агентам, действовавшим в тылу противника, а не на фронте, было невозможно выявить подготовку к наступлению противника¹⁵. Наряду с этим утверждали, что Николаи недооценил масштабы резервов, которые маршал Фош ввел в последнее решающее наступление, или не выявил их выход на исходные позиции. Это неверно. О серьезном сосредоточении войск противника было известно. И внезапными не были ни наступление французов у Вийер-Коттере 18 июля, ни удар англичан 8 августа. Неожиданной оказалась слабость немецких войск. А что касается «огромных резервов», которые Фош хотел двинуть в последнее сражение, то их попросту не было. Французы просто промаршировали через развалившийся германский фронт.

Тот, кто описывает историю тайной службы своей страны, обязательно будет выпячивать ее успехи и обходить неудачи. Но что бы он ни делал, у него неизменно получится мозаика, составленная из множества рассказов и описаний, которые сами по себе вряд ли что-нибудь значат. Вот один из них. Когда в начале 1918 г. германское верховное командование установило на позиции так называемую «Большую Бертю», исполинскую пушку для дальнего обстрела французской столицы, встал вопрос о возможно более точной корректировке каждого выстрела. Для этого в марте того же года офицер разведки обер-лейтенант Шумахер (в годы Второй мировой войны он был подполковником), соответствующим образом замаскированный, выехал в Швейцарию, чтобы встретиться в Женеве с двумя немецкими связниками.

¹⁴ Die Weltkriegsspionage, S. 346ff.

¹⁵ Nicolai a. a. O. S. 155f.

Затем с помощью одного контрабандиста он установил связь с неким кельнером, работавшим в «Кафе де Пари» во французской столице, и тот стал докладывать о разрывах снарядов «Парижской пушки» по адресной книге. Например, он звонил в Женеву и говорил о ком-то, кто живет на такой-то улице, в таком-то доме, такой-то квартире. У немецкого связника в Женеве была точно такая же книга, и он мог довольно точно передать данные о месте разрыва снаряда германскому консулу, а тот передавал их дальше в корпусной штаб в Бад-Кройцнахе. Таким путем было доложено о 23 разрывах, из которых 17 были указаны очень точно¹⁶.

Это, конечно, всего лишь маленький камешек в большой мозаике, выложенной тайной разведслужбой в те годы. А вот гораздо более значительным моментом, чем такие малозначащие эпизоды, было то, что германская разведка недооценила колоссальный военный потенциал Соединенных Штатов и своевременно не увидела их готовность вступить в войну тогда, когда этого потребует положение Англии и Франции. Даже в чисто военном отношении отдел «III-b», добившийся столь многих успехов повсюду, не смог вовремя выявить факты формирования танковых батальонов в Англии, пока их не применили массированно и внезапно под Камбре. Причиной этого было преобладающее внимание к фронтовой разведке и отсутствие хорошо налаженной дальней (стратегической) разведки, для создания и развития которой необходимы, конечно, весьма значительные средства и долгие годы хорошо организованные приготовления в мирное время. По всей видимости, полковник Николаи с его относительно маломощным отделом «III-b» взвалили на себя чересчур большую ношу.

Вместе с тем с переходом исполнительной власти в рейхе к высшему военному руководству и генералам и с началом войны германская военная тайная служба получила такие полномочия, каких в Третьем рейхе никогда не имела. Полковник Николаи как шеф отдела «III-b» держал в своих руках не только тайную службу разведки и контрразведки, но и цензуру печати и пропаганды. Руководителем цензуры в военном ведомстве печати был подполковник фон Ольберг. Уже летом 1914 г. он добился введения единых и строгих положений о цензуре, а в начале 1917 г. издал «Справочник по вопросам цензуры германской печати», в котором четко и подробно были изложены подцензурные моменты по каждой теме, чтобы редакции изданий могли быстро ориентироваться в этих вопросах.

Поскольку полковник Николаи был еще и шефом полицейских органов слежки, он через подчиненного ему советника полиции Бауэра, ведавшего этими органами, оказывал влияние и на эту сферу. Более того, в качестве начальника военной цензуры и пропаганды он имел возможность по своему усмотрению вмешиваться во внутреннюю политику. Одним словом, он определял ориентацию печати, регулировал отечественный информационный поток и формировал военные и патриотические лозунги. Очень вероятно, что именно Николаи, если верить Вальтеру Шелленбергу, предложил генералу Людендорфу план провезти Ленина из Швейцарии через Германию в plombированном железнодорожном вагоне в Россию. При этом он до самого конца войны был непреклонным сторонником продолжения борьбы любой ценой. За его спиной стояла могучая и своенравная фигура Людендорфа.

Конец жизни полковника Николаи покрыт тайной. В эпоху гитлеровского Третьего рейха ему, по слухам, было предложено написать о своем опыте. Неизвестно, оставил ли он нам подобный манускрипт. Шелленберг утверждает, что во время Второй мировой войны полковник имел неограниченный доступ к министру иностранных дел фон Риббентропу и рейхслейтеру Борману. После краха 1945 г. Николаи, вероятно, попал в руки Советов¹⁷.

---

¹⁶ Рассказ подполковника в отставке Шумахера автору.

¹⁷ Полковник В. Николаи был секретно вывезен в Москву и вскоре умер, живя под арестом на подмосковной даче. (Примеч. ред.)

Глава 3

Военная разведка в тени Версаля

Годы 1919 й и 1920 й можно назвать «временем без разведки». После того как полковник Николаи сначала ушел в отпуск, а потом в отставку, германская тайная военная служба фактически исчезла, так как по условиям Версальского договора Германии не разрешалось иметь и генеральный штаб, и военную разведку. Поскольку же строительство разрешенного рейхсвера нельзя было оставлять не прикрытым от вражеского шпионажа, запретительные положения договора следовало как-то обойти. Насколько необходима была реорганизованная разведслужба, стало ясно уже летом 1919 г. И тогда некий «доктор Винклер», якобы доцент Высшей технической школы в Берлине и специалист в области радио, был назначен советником при шифровальном ведомстве правительства страны. Там он быстро ознакомился со всей военной радио- и шифровальной службой. Для него это было тем более важно, что он тайно работал на польскую внешнюю разведку. И однажды «Винклер» исчез, и с этого момента Берлину пришлось долго принимать в расчет серьезное улучшение в работе польской военной радио- и шифровальной службы¹⁸.

Этот и другие подобные случаи упрочили командование рейхсвера в намерении создать для строящейся 100 тысячной армии специальный отдел контрразведки в системе министерства рейхсвера. Его руководителем назначили майора Гемпа (впоследствии генерал-майор), который в годы войны работал у полковника Николаи в отделе «III-b». Он дал новой тайной военной разведслужбе название «Абвер» (по-немецки «защита, охрана». – *Ред.*), чтобы убедить всех, будто речь идет о чисто оборонительном мероприятии. Впрочем, под такой же маркой восстанавливали и генеральный штаб, тоже вопреки положениям Версальского договора. Он начал действовать под вывеской Войсковое управление министерства рейхсвера и, сохраняя старые традиции, занялся прежде всего подготовкой молодых офицеров в качестве «помощников командиров» подразделений и частей. Группа под названием «Абвер» первоначально входила в состав военно-стратегического отдела Войскового управления.

По складу характера майор Гемп был сильной личностью. Пользуясь своим опытом и основательным знанием материала, он сумел взять многое из наработанного в прежней службе разведки как в техническом, так и в методическом плане. Однако в тех трудных условиях, в которых находился тогда молодой рейхсвер, многое нужно было начинать заново, ибо предпосылки, позволявшие работать отделу «III-b» в Большом генеральном штабе, исчезли или изменились в той же степени, как и вся военная и политическая обстановка. Новую тайную военную службу следовало поначалу держать в достаточно скромных, малозаметных рамках. Поэтому абвер тогда насчитывал всего 2–3 офицера генерального штаба и примерно 5–7 вольнонаемных сотрудников, которых можно было уволить в любое время, и несколько писарей. Группа абвер имела два сектора – «Восток» и «Запад», которые занимались главным образом борьбой со шпионажем и диверсиями. Сбор сведений из за рубежа был тогда на втором плане. Поскольку финансовые средства были предельно скромными, о создании полноценной тайной службы военной разведки в ту пору никто и не думал.

Под руководством генерала фон Зекта рейхсвер тем временем превращался в элиту должностных высокочастотных военных специалистов и в идеальное ядро будущего вермахта. Войсковое управление стало его настоящим мозгом. Но для охраны пока еще чисто оборонительных мероприятий рейхсвера и сохранения в тайне многих усилий, не предназначенных для сведения общественности, все настойчивее требовалась хорошо функционирующая защита от

шпионажа. Именно поэтому абвер-группа была подчинена непосредственно министру рейхсвера. Скрывать само ее существование необходимости не было. Более того, она возникла и начала развиваться совершенно официально под наблюдением межсоюзнической Контрольной комиссии как военный орган защиты от шпионажа. Это обозначение сохранилось и тогда, когда рухнули ограничения, наложенные Версальским договором. Абвер стал понятием, включившим в себя всю тайную военную службу разведки, контрразведки и связи появившегося позже германского вермахта. Из абвер-группы рейхсвера выросло отделение Абвера в министерстве рейхсвера, а затем в имперском военном министерстве. Потом оно превратилось в отдел внешней разведки и контрразведки в верховном главнокомандовании вермахта и наконец – в октябре 1939 г. – в самостоятельное управление «Абвер/Аусланд» (Абвер/Заграница).

Поначалу абвер-группа состояла из трех подгрупп: I. Разведка, II. Шифровальная служба и служба радиоподслушивания, III. Контрразведка. В качестве непосредственных исполнительных органов в каждом из семи военных округов (корпусов) были созданы отделения абвера. Они располагались так: в 1 м округе в Кёнигсберге, во 2 м – в Штеттине, в 3 м – в Берлине, в 4 м – в Дрездене, в 5 м – в Штутгарте, в 6 м – в Мюнстере и в 7 м – в Мюнхене. В штате каждого из этих отделений, к которым позже добавилось еще одно – при штабе 2 й кавалерийской дивизии в Бреслау, вначале был один офицер генштаба, один офицер-помощник и один писарь. Например, в штабе 1 го округа за решение задач разведки отвечал капитан Вальтер Вайсс (в будущем – генерал-полковник и командующий одной из армий). В его распоряжении были трое офицеров (они служили как вольнонаемные), которые и занимались непосредственно вопросами разведки и контрразведки¹⁹.

Военной разведке, конечно, нелегко было держаться в стороне от напряженных моментов во внутренней и внешней политике. Тогдашние враги Германии – Франция и Англия – имели свои опорные пункты тайных служб на всей территории рейха. Глава межсоюзнической Контрольной комиссии генерал Дюпон прежде был начальником французского Второго бюро (секретной службы). Он покрыл всю Германию сетью шпионов, действовавших во всех сферах. Было также известно, что военный шпионаж направляется главным командованием французских оккупационных войск в Майнце. Специалисты Второго бюро помогали Праге и Варшаве при создании ими своих сетей шпионажа против Германии. Иными словами, рейх был осажден и наводнен разведывательными службами его противников.

Тем выше следует оценивать достижения германского абвера. Из-за нехватки финансовых средств и персонала он сосредоточивал свою работу только на главных направлениях, делая из нужды добродетель. В частности, в период с 1921 по 1933 г. Польша после непродолжительной разрядки политической напряженности стала вновь вплоть до начала войны в 1939 г. беспокоить абвер в двух аспектах: во первых, в плане борьбы с польским шпионажем, а во вторых, в связи с необходимостью разведки находившейся в процессе строительства польской армии. При этом мы исходили из того, что Польша может выставить около 60 дивизий. Это была, во всяком случае, та цель, которую Варшава стремилась достичь с очевидной для всех энергией. Соответственно германский абвер начал с того, что создал «сеть усиленного внимания», которая предполагала засылку агентов во все районы, имевшие большое военное и транспортное значение. Эти агенты должны были немедленно доносить об обнаруженных ими событиях, в особенности – военного или военно-политического характера. В то же время абвер обязан был систематически изучать состояние польской армии, выявлять ее численность, места расквартирования войск, их оснащение, вооружение и т. д. Это осуществлялось также и путем анализа общедоступных печатных изданий, описаний строящихся объектов, статей в специальных журналах и т. п. Кроме того, предпринимались попытки заполучить «прямые» источники, т. е. найти живых носителей информации среди польского офицерства и представите-

¹⁹ Reile O. Geheime Ostfront, Muenchen – Wels 1963, S. 42.

лей власти, имевших отношение к вопросам обороны страны. Таким путем удавалось получать наставления о мобилизации, описания видов вооружения и снаряжения, планы проведения маневров и учений и другие материалы. Опыт говорил, однако, что такие информаторы стоили абверу недешево; к тому же они, получая крупные вознаграждения, часто начинали вести шикарную жизнь, вызывая тем самым подозрения и провал. Несколько судебных процессов над такими шпионами заставили абвер очень строго подходить к отбору и вербовке информаторов в польском офицерском корпусе. Эти процессы заставили поляков обратить повышенное внимание на охрану объектов.

Выполнение разнообразных задач разведки, поставленных перед абвером в отношении Польши, несколько облегчалось для него тем, что примерно с 1928–1929 гг. против этой страны начала работать еще и литовская разведка, и добытые ею сведения частично передавались абверу. В обмен на это литовская разведка получала от немецкого офицера связи многие ценные сведения о Польше.

Из подразделений абвера, работавших преимущественно против Польши, главными считались отделения в Кёнигсберге, Штеттине и Берлине. В течение первых 10 лет работы их личный состав усиливался незначительно. Так, отделение в Кёнигсберге (в документах оно значилось как ASTO – Abwehrstelle Ostpreussen – отделение абвера в Восточной Пруссии) было укомплектовано так: начальник – капитан (впоследствии генерал-лейтенант) Вольманн, референт сектора I (разведка против Польши) – обер-лейтенант (впоследствии генерал-лейтенант) Раух, референт – лейтенант (впоследствии подполковник) Горачек; референт секции II (контрразведка) ротмистр Рудольф (впоследствии полковник), вольнонаемный служащий, лейтенант запаса (впоследствии полковник) Кортельери. Кроме того, в отделении были: один обработчик данных и несколько писарей. В других отделениях положение было еще хуже, так как на Восточную Пруссию обращали больше внимания. Разведка против Советского Союза в то время систематически не велась. До начала 1930 х гг. заброска агентов и связников в СССР могла осуществляться лишь в единичных случаях.

Фабрично-заводская служба безопасности, созданная в середине 1920 х гг. на территории Германии (исключая оккупированную союзными державами Рейнскую область) для борьбы против коммунистических актов саботажа и диверсий, была сугубо частным предприятием, финансировавшимся самими промышленниками. Эта организация, руководимая вышедшими в отставку офицерами, не имела к абверу ровно никакого отношения. Тем не менее после 1945 г. стали утверждать, будто адмирал Канарис уже тогда наводнил оборонную промышленность своими агентами, «исходя из политических соображений». Он не смог бы это сделать как по причине занимаемой им должности, не позволявшей ему вмешиваться в подобные вопросы, так и потому, что не мог влиять на деятельность бывших офицеров, руководивших фабрично-заводской службой безопасности. Разумеется, абвер следил за радикальными политическими группировками и их вождями, выясняя, в какой мере они оказывают вредное влияние на обороноспособность и не стоят ли за ними иностранные деньги, а тем более – чужие тайные службы. При этом абверовцы действовали весьма осторожно, ибо внутренняя и внешняя обстановка заставляла рейхсвер вести себя сдержанно, соблюдать условия Версальского договора и учитывать настроения партий и прессы разных политических ориентаций – от левых до крайне правых и буржуазных центристских.

23 июня 1927 г. Гемп, произведенный в генерал-майоры, был отправлен в отставку. Его преемником стал майор генерального штаба Швантес (впоследствии полковник). Это был рожденный кавалерист и человек строгих светских правил. Какого либо оживления в работу абвера он не внес. В его бытность имела место недоброй памяти «афера Ломанна». Капитану I ранга в отставке Ломанну было поручено в министерстве рейхсвера распоряжаться финансами,

выделенными для тайных мероприятий, связанных с развитием морских вооружений²⁰. Он уже вел официально дела с голландской судостроительной фирмой в Гааге, но решил вложить деньги еще и в предприятия, не имевшие отношения к ВМФ, в надежде на то, что таким способом удастся получить еще больше средств на вооружения. Были учреждены какие то акционерные общества, покупались доходные дома, делались инвестиции в нефтяные компании, и даже была оказана солидная – в 10 млн марок – финансовая поддержка кинофирме «Фёбус». По чьей то неосторожности сведения об этом попали в 1927 г. в прессу и вызвали колоссальный скандал. Противники рейхсвера в рейхстаге предположили, что речь идет о тайных спекуляциях, но положения о неразглашении государственной тайны не позволили им выявить все нити этого дела. Министру рейхсвера Гесслеру пришлось уйти в отставку, а его преемник Грёнер быстро свернул деятельность большинства предприятий Ломанна с потерей в общей сложности около 26 млн марок.

С тех пор долго держался слух, будто истинными инициаторами этих гешефтов были Вильгельм Канарис и абвер. Но Канарис до 1935 г. не имел к абверу никакого отношения. В личном деле будущего начальника абвера сказано буквально следующее: «...чтобы помешать распространению легенд, необходимо указать, что Канарис слишком далек от совершения каких либо сомнительных дел по своему усмотрению. Следует далее здесь и теперь заявить, что Канарис не только не имел ничего общего с делами, связанными с «аферой Ломанна», но, напротив, энергично содействовал расчистке этой аферы». Однако один из офицеров абвера все же оказался замешанным в истории с Ломанном. Это был капитан II ранга Протце. И по требованию министра рейхсвера Грёнера его должны были уволить. Но майор Швантес сумел сохранить для абвера этого дельного офицера. Позже он сыграл решающую роль в раскрытии польского шпиона Сосновского.

В своих сенсационных статьях журналисты послевоенной эпохи часто путали абвер-группу сухопутных войск в министерстве рейхсвера с управлением разведки ВМФ. Оно было до 1928 г., как и в кайзеровском флоте, самостоятельной инстанцией военно-морского руководства. Эта разведка, нацеленная на военно-морские силы противника, его базы и верфи, работала, используя очень дальние линии связи, и, конечно, во многом уступала разведке армейской, которая имела бесчисленное множество линий ближней связи. Тем большее значение приобретали результаты работы военной радиотехнической разведки и контрразведки (Абвер-III К). Уже в 1932–1933 гг. она первой среди всех (как и русская радиотехническая служба) стала использовать для связи с агентами коротковолновые приемопередатчики. Она продвинула развитие этой техники и создала превосходно по тому времени работавшую службу тайной радиосвязи и подслушивания. Это означало настоящий переворот в деятельности тайной службы. В начале Второй мировой войны только Германия и Россия располагали сетью агентов, имевших радиосвязь, и абвер в этом плане серьезно способствовал быстрым победам германских войск. Однако это продолжалось недолго, поскольку и вражеские агенты на оккупированных немцами территориях к середине войны также получили средства прямой радиосвязи с Лондоном и Москвой, а вскоре в эту сеть включились еще и подпольные организации и партизаны.

В конце 1929 г. руководство военной разведкой принял полковник фон Бредов (впоследствии генерал-майор). Он был жизнерадостным, веселым человеком, любившим общество и хорошо державшимся в нем. Он был убежден в необходимости найти взаимопонимание с

---

²⁰ Carsten F. Reichswehr und Politik 1918/1933, Koeln – Berlin 1964, S. 266, 313ff., 317f. В Финляндии в интересах германского военного флота действовал капитан II ранга в отставке Бартенбах (на финских верфях строились 4 подводные лодки); в Турции работал вице-адмирал в отставке барон фон Гагерн, у которого были советники по вопросам навигации, артиллерии, торпедного оружия и др. В Испании капитану II ранга Канарису удалось добиться закладки подводной лодки тоннажем 700 т на верфи Кадикса и постройки завода по производству торпед для испанского флота, для которого все оборудование поступало по договору из Германии.

Францией. В то время абвер размещался еще на четвертом этаже министерства рейхсвера, а точнее – в помещении бывшего главного управления ВМФ на Тирпицштрассе, 78. Для чужого посетителя единственным путем туда был лифт, и, когда он останавливался, вы оказывались перед тяжелой раздвижной железной решеткой. Отсюда с посетителя после тщательной проверки ни на миг не спускали глаз. В нескольких комнатах размещались семь групп, в каждой из которых было несколько офицеров и небольшое число гражданских служащих.

Задача контрразведывательного прикрытия тайных планов производства вооружений и военной техники как в области военной авиации, строительства подводных лодок, так и в создании современных танков, предъявляла к немногочисленному тогда абверу очень высокие требования. Но вскоре оказалось, что рейхсвер может преследовать свои планы почти без помех. Этому в немалой степени способствовали усилившиеся противоречия между англичанами и французами в отношении перевооружения Германии. В январе 1930 г. полковник фон Бредов доложил начальству о следующем: «...В беседе с высокопоставленным офицером из британского военного министерства я услышал, что последнее вовсе не обеспокоено возможным ростом военных возможностей Германии и не слишком возражает против усиления рейхсвера или военно-морского флота. Напротив, оно проявляет живой интерес к развитию авиации и внимательно наблюдает за работами, ведущимися в Брауншвейге, Варнемюнде, Штакене и на других аэродромах и авиационных заводах... Сведения о немецких военных делах, противоречащих условиям договора, британцы, как правило, утаивают от французов, поскольку не желают допускать того, чтобы Франция чинила новые преграды примирению с Германией. В свою очередь, французы передают британцам все, что знают, и при этом жалуются, что те не хотят этим воспользоваться». Войсковое управление министерства рейхсвера издало в мае 1930 г. директиву, чтобы впредь при упоминании о запрещенных видах вооружения непременно следовала оговорка, что у нас такого оружия нет. Особую осторожность следовало проявлять при упоминании о тяжелой войсковой артиллерии, подвижных зенитно-артиллерийских системах, моторизованных боевых средствах, противотанковой артиллерии, огнеметах и авиации.

Известно, что полковник фон Бредов пользовался особым расположением у генерала фон Шлейхера, ставшего вскоре в кабинете фон Папена министром рейхсвера. Уже в начале 1926 г. честолюбивый и серьезно интересовавшийся политикой Шлейхер, тогда еще полковник, добился того, что Войсковое управление-I (группа, ведавшая военно-политическими вопросами) превратилось в самостоятельное управление. А уже из него он сделал 1 марта 1929 г. политический орган министерства рейхсвера – так называемое «министерское ведомство» в составе военно-исторического отдела, отдела разведки и контрразведки (абвер) и правового отдела. Обработка разведдонесений чисто военного характера осталась функцией Войскового управления и с 1935 г. была передана отделу «Иностранные армии» нового генерального штаба. Благодаря своим тесным отношениям со Шлейхером, создавшим себе благодаря «министерскому ведомству» ключевое положение в рейхсвере, позволявшее влиять как на командование сухопутных войск, так и на президента фон Гинденбурга, фон Бредов, а за ним и его преемник капитан I ранга Патциг сумели постепенно превратить абвер в кадровую организацию. При расширении 100 тысячного рейхсвера последняя могла в короткий срок увеличиться в три раза. Но в то время это были еще только мечты, и никто в те штормовые годы, наполненные внутренними беспорядками и внешнеполитическими осложнениями, не мог предположить, что из небольшого отделения послевоенных лет однажды возникнет во много раз более мощное ведомство «Абвер/Аусланд» («Абвер/Заграница»).

Глава 4

Абвер при капитане I ранга Конраде Патциге

Полковник фон Бредов, произведенный в генерал-майоры, занял 2 июня 1932 г. место генерала Шлейхера, назначенного министром рейхсвера. В качестве его преемника абвер принял капитан I ранга Конрад Патциг. Это был прямой, открытый, прозорливый и высококвалифицированный морской офицер. Он уже служил в отделе с октября 1929 г. в должности начальника группы V (военно-морской флот) и за эти три года приобрел богатый опыт в тайной службе.

Надо сказать, что назначение морского офицера начальником абвера вызвало сенсацию, так как до тех пор тайная разведка (отдел «III-b» кайзеровского генерального штаба) считалась исключительным делом сухопутной армии. Поэтому капитану Патцигу поначалу приходилось нелегко. Его встретили с известной сдержанностью, и лишь после того, как он в докладе шефу Войскового управления генералу Адаму описал трудности, с которыми он столкнулся, у него наладились с начальством вполне доверительные и даже тесные отношения.

Как и во времена фон Бредова, при Патциге у абвера был довольно скромный бюджет. Так что пока приходилось игнорировать давно назревшую, но непомерно дорогостоящую задачу тщательной детализации разведывательной деятельности за рубежом и ограничиваться разработкой определенных узловых моментов. Использование имеющихся небольших средств оправдывало себя прежде всего там, где были наибольшие шансы на успех, а это, как и прежде, был Восток с Польшей в качестве основного объекта разведки. Для дальней оперативно-стратегической разведки вряд ли можно было найти что-то большее, чем продолжать уже начатый путь с удвоенной энергией и последовательностью. В условиях сильной децентрализации системы абвера выходило само собой, что начальник должен был наделять внешние инстанции большей ответственностью и в то же время оказывать им большее доверие.

Однако эра Патцига была с самого начала отмечена новым переводом стрелок. Если при фон Бредове и его предшественниках Швантесе и Гемпе абвер был преимущественно внутривнутриполитическим органом министерства рейхсвера, то теперь он становился тайной военной службой, а значит – получал внешнеполитическую ориентацию. Это совершилось не в одну ночь, а постепенно в ходе все более и более неблагоприятного политического развития. Провозглашение Гитлера рейхсканцлером 30 января 1933 г. поначалу затронуло абвер лишь незначительно как в служебных, так и в кадровых вопросах, хотя генерал фон Шлейхер, непосредственный начальник абвера, был отправлен в отставку и заменен генералом фон Бломбергом. Был снят со своего поста и бывший шеф абвера, а тогда начальник «министерского ведомства» генерал-майор фон Бредов. Новым шефом там стал полковник Вальтер фон Райхенау, вскоре произведенный в генерал-майоры. Это был, бесспорно, один из самых политизированных высших офицеров, которых, если не считать Шлейхера, когда либо имел в своих рядах рейхсвер, и к тому же единственный, кто относительно рано принял национал-социалистическую идеологию²¹. Что же касается абвера, то для него, несмотря на жестокости штурмовиков СА, вызвавшие в его рядах серьезные антипатии к режиму, мерилom всего по-прежнему оставались рейхспрезидент и верховный главнокомандующий рейхсвера. Разведчики затаились в ожидании того, что революционные бесчинства быстро пройдут. Решающим для них было то, что рейхсканцлер Гитлер давал гарантию давно ожидаемого восстановления национальной военной мощи и устранения версальских оков.

---

²¹ Vgl. Foertsch H. Schuld und Verhaengnis, Stuttgart 1951, S. 31f; und 40.

С приходом к власти Гитлера выделяемые абверу бюджетные средства существенно увеличились; вместе с тем усилились и его позиции после того, как Гитлер решил начать перевооружение и когда вермахт в конце концов встал на ноги и начал принимать все меры для своей защиты и прежде всего для борьбы со шпионажем и диверсиями. С тех пор абвер начал предусмотрительно принимать разнообразные меры по обеспечению безопасности на всей территории рейха, в связи с чем начал расти и его штатный состав. С созданием теперь уже не корпусных, а армейских округов быстро и планомерно расширялся и абвер. При каждом таком военном округе формировался отдел абвера, подчинявшийся начальнику разведки армейского округа. Кроме того, при абверштелле²² на Балтике и в Северном море, в Киле и Вильгельмсхафене, были созданы аналогичные подразделения тайной разведслужбы. Строительство абвера как таковое осуществлялось в Третьем рейхе в преобладающей мере силами офицеров-запасников, которые по преимуществу внесли с собой в работу тайных служб новую кровь, инициативу и хорошие внешние связи. Они стали разведчиками-профессионалами и уже не стремились в другие ведомства. Это вело к известному отчуждению их от остального корпуса кадровых офицеров, и то, что офицеры-разведчики номинально являлись строевыми офицерами, в этом ничего не меняло. Теперь начальниками секторов, а позже – отделов были в основном кадровые генштабисты – сухопутчики и моряки, а также прикомандированные войсковые офицеры. Благодаря Патцигу центральное управление абвера и его отделы и группы на местах превратились в одну большую семью и оставались такой до самого конца. Это, в свою очередь, способствовало единению людей и выработке определенного иммунитета против доноительства, слежки друг за другом, попыток развала аппарата и внедрения нацистских элементов.

Захват власти Гитлером давал военной разведке немалый шанс. В своем восхищении перед английской военной традицией и институтами британской мировой державы Гитлер тоже думал о создании всеохватывающей тайной службы по образцу британской Сикрет Сервис. Подобный замысел должен был рано или поздно активизировать СД – службу безопасности СС, но в то время, в 1933–1934 гг., там практически не было еще никого, кто мог бы всеерьез оспаривать приоритет абвера. Человек, который в первую очередь подходил для этого, а именно – шеф СД Рейнхард Гейдрих, пока еще должен был осторожничать, прежде чем осуществлять свои честолюбивые амбиции.

Капитан I ранга Патциг очень скоро понял, какая опасность грозит ему с этой стороны, и постарался создать в вопросах тайной внешней разведки единый фронт абвера с министерством иностранных дел против различных партийных организаций. Однако его деловое предложение на этот счет встретило недоверчиво ревнивое отношение статс-секретаря фон Бюлова. Этот чиновник упорно отстаивал «непререкаемую компетенцию» своего министерства в сфере сбора внешнеполитической информации и рассматривал стремление абвера составлять внешнеполитические донесения как вмешательство в священные права своего ведомства. Но когда монополии на тайную политическую разведку, которая, кстати, велась шефами германских дипломатических миссий, потребовала служба СД, влиятельным лицам в министерстве иностранных дел пришлось уступить. Тем самым СД официально получила возможность контролировать дипломатические доклады министерства и фальсифицировать их по своему усмотрению, дозировать их огласку или вовсе замалчивать.

Новый министр рейхсвера генерал-лейтенант фон Бломберг не только имел приятную внешность, но и был весьма находчивым человеком, обладавшим некоторыми дипломатическими способностями, которые он успешно продемонстрировал на Женевской конференции по разоружению. Однако он совершенно не умел защищать интересы вермахта, а тем самым и отечества, перед Гитлером с той решительностью, которая была необходима в изменившихся

²² Абверштелле – территориальные органы абвера при военных округах и военно-морских базах, а также на оккупированных территориях. (Прим. ред.)

условиях. У него было прозвище «Резиновый лев», которое ему дал Патциг. Оно очень точно определяло неустойчивый характер этого человека, с течением времени все больше склонявшегося к полному повиновению Гитлеру. Это можно проиллюстрировать целым рядом случаев, имевших место в эпоху Патцига. Однажды шефу СД Гейдриху пришлось в голову потребовать от абвера список всех объектов в Германии, производивших запрещенное Версалем вооружение. Как и следовало ожидать, Бломберг согласился и приказал Патцигу дать ему такой список. Тот недвусмысленно ответил: «Такого списка не существует, и его не будут составлять, так как это слишком опасно. Кроме того, охрана этих объектов является исключительно задачей вермахта»²³.

У шефа абвера была достаточно веская причина для такой реакции, поскольку в условиях напряженности, с самого начала существовавшей в отношениях между абвером и СД, он со всей очевидностью был настроен решительно отразить любую попытку Гейдриха вторгнуться в специфическую сферу тайной военной службы. Ему очень важно было избежать непосредственных контактов с Гиммлером и Гейдрихом как шефами СС и СД и ограничиться связями со своим непосредственным начальством – министром рейхсвера. Однако и Бломберг и Рейхенау соглашались напрямую сотрудничать с Гиммлером и Гейдрихом, потому что они в принципе пытались добиться равновесия в сфере секретной службы, т. е. в самой чувствительной точке соприкосновения вермахта и СС/СД. Вероятно, Патциг раньше многих других и даже раньше Канариса понял абсолютную необходимость бороться с тоталитарными претензиями СД. Чем закончится эта борьба, никто не мог знать. Можно было действительно стать пессимистом, однако не следовало сдавать позиции военной разведки без всякого сопротивления. До прихода Гитлера к власти все соображения и намерения абвера, переданные руководству непосредственно или по инстанции, неизменно встречали понимание. Они тщательно проверялись, однако мнение шефа абвера уважалось. В 1933 г. это положение резко изменилось, однако в первые годы Гитлер еще не мог согнуть рейхсвер, поскольку он оставался основным силовым фактором в государстве.

Событиями 30 июня 1934 г. капитан I ранга Патциг отнюдь не был удивлен²⁴. Еще примерно 25 июня абверу стало известно о встрече высших офицеров СА на частной квартире Рёма в Берлине. На ней, по видимому, должны были обсуждаться детали, конечно, еще неблизкой силовой разборки между СА и рейхсвером. Копию плана путча, подготавливаемого Рёмом, абвер получил через одного из «фюреров» СА некоего Герта. Это был герой-летчик Первой мировой войны, кавалер высокого ордена, который уже готовился возглавить новые военно-воздушные силы. Эта лояльность Герта не спасла его (а, возможно, послужила причиной) от «ошибочного» внесения его в расстрельные списки Гейдриха, и 30 июня он был казнен. Гейдрих знал о замыслах Рёма и действовал решительно. Как шеф СД он нередко отмечал у Гитлера тогда еще сохранявшееся уважение к военным. Знал он и то, с каким раздражением воспринимал фюрер закулисные планы и амбиции своего начальника штаба Рёма, и шеф СД верно угадал три крупных и уникальных шанса для себя и одновременно для Гиммлера. Во-первых, он мог разом упразднить собственную зависимость по службе от начальника штаба СА и прекратить подчинение СС командованию СА. Во-вторых, он мог бы заменить самого Рёма рейхсфюрером СС, а его «пролетарскую» армию как противовес рейхсверу и преторианскую гвардию Гитлера заменить эсэсовской элитой и, в-третьих, сделать себя абсолютно необходимым для фюрера. Тем самым расчищался путь для реализации его собственных далеко идущих замыслов.

²³ Сообщение адмирала Патцига, сделанное автору 10 апреля 1965 г.

²⁴ Имеются в виду события 30 июня 1934 г., когда по приказу Гитлера были разгромлены так называемые штурмовые отряды (СА), а их начальник штаба Эрнст Рём был убит. – *Прим. перев.*

Тактика, которую применил Гейдрих, была очень проста. Он сконструировал из предполагаемого рёмовского путча «угрожающее восстание» против фюрера и дополнил это разговорами о предательских связях заговорщиков с иностранными державами. Это всегда было хорошей наживкой для Гитлера, и он тут же свалил своего начальника штаба, а заодно и всю организацию штурмовиков СА. В результате Гейдрих получал почти неограниченные полномочия. Он составил расстрельные списки и поручил провести одобренные Гитлером мероприятия группе своих эсдэковцев, срочно сформированной в ночь на 30 июня. С этого и начался кровавый день расправы с СА.

1 июля 1934 г. был убит генерал-майор фон Бредов, предшественник Патцига на посту шефа абвера. Это событие глубоко потрясло всех офицеров разведки, хорошо знавших этого всегда веселого и жизнерадостного офицера. И как следствие эта противозаконная акция Гитлера/Гейдриха стала первой серьезной трещиной в отношениях между абвером и СД. Однако для майора Ганса Остера (впоследствии генерал-майор), лишь незадолго до этого пришедшего на службу в абвер, день 30 июня стал решающим поводом для того, чтобы начать активную борьбу с нацистским режимом. Этот человек (и мы о нем вспомним еще не раз) яснее, чем кто-либо другой из круга генштабистов, видел фатальность новой системы. Бломберг, Рейхенау и их приближенные, как и многие другие высшие военные, чувствовали даже удовлетворение от того, что наконец-то ликвидирован обременительный партнер, и не распознали волка в овечьей шкуре – Рейнхарда Гейдриха.

Патциг же, напротив, не строил себе на этот счет никаких иллюзий. Он не обманулся заявлениями Гитлера и Бломберга, хотя и он видел в СА некую революционную стихию и угрозу, смысл которой и значение для судьбы рейхсвера было трудно разгадать. При тогдашней слабости абвера Патциг не видел способа как-то отреагировать на постыдные акции 30 июня. Он сумел лишь добиться от министра рейхсвера расследования дела об убийстве фон Бредова, хотя бы ради того, чтобы доказать, что никакие сведения, собираемые абвером, никому не передавались и не похищались. Фон Бредов, такой же противник национал-социализма, как и Шлейхер, поддерживал вместе с Арнольдом фон Рехбергом²⁵, решительным сторонником политики взаимопонимания с французами, тесные связи с французскими союзами фронтовиков с целью сближения двух народов. Но в этом же направлении действовали также и видные нацисты и среди них – ставший позже посланником в Париже Абец, но вышестоящие инстанции не предъявляли им никаких претензий. Выдвинутые Гитлером обвинения с целью как-то оправдать убийство двух генералов и доказать, что Шлейхер и Бредов затевали предательский сговор с зарубежными странами, можно было легко опровергнуть на основании данных расследования, проведенного Обществом Шлиффена под председательством генерал-фельдмаршала фон Маккензена, как совершенно необоснованные. Вот, собственно, и все, что было тогда сделано, чтобы указать на тех, кто нес прямую ответственность за июньское побоище.

Об успехах секретных служб общественность узнаёт редко. И напротив, их неудачи обычно выставляются их внутренними и внешними врагами в неприглядном виде. Так, например, очень много было написано о деле польского шпиона ротмистра запаса Юрика Сосновского; при этом писавшими были те, кто якобы принял «решающее участие» в его раскрытии, – Вальтер Шелленберг, впоследствии начальник VI управления РСХА (Главного управления имперской безопасности), журналист граф Солтыков и даже многолетний сотрудник британской Сикрет Сервис Бернанд Ньюмен. Во всех этих писаниях правда мешается с гротескными искажениями, а нередко и вообще взятыми с потолка выдумками, хотя не представляет никаких трудностей изобразить дело Сосновского правильно. Разоблачить польского шпиона удалось отнюдь не СД, как утверждает Шелленберг, а исключительно военной разведке. Бес-

---

²⁵ Следует особо сослаться на работу: Mau H. Die «zweite Revolution» – Der 30. Juni 1934, in: Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, I, 1935, S. 121ff; Buchheit G. Soldatentum und Revolution, Rastat 1961, S. 19ff. Там указана и другая литература.

спорно, здесь впервые скрестились профессионально абвер и гестапо в лице его отдела контрразведки во главе с его тогдашним руководителем доктором Патчовски. Но инициатива и тактика раскрытия дела принадлежали абверу.

В 1928 г. бывший австрийский ротмистр в отставке фон Сосновски, ставший после 1918 г. (т. е. после распада Австро-Венгрии) гражданином Польши, был направлен Варшавой в Берлин с заданием разведать состояние вооружений Германии и достать возможно более аутентичные материалы о планах германского генерального штаба. Сосновский имел очень приятную внешность и прекрасные манеры, свободно говорил по-немецки, а поскольку в придачу к своей неотразимости у женщин располагал еще и значительными деньгами, он быстро вошел в лучшие избранные круги немецкого общества. Здесь он познакомился с Бенитой фон Фалькенхайн (фрау фон Берг во втором браке), которая работала секретаршей в главном командовании сухопутных войск (ОКХ). Она влюбилась в поляка и познакомила его однажды со своей подругой Ренатой фон Нацмер, занимавшей ответственный пост в министерстве рейхсвера. В этот круг была вовлечена и школьная подруга Бениты некая фрейлейн фон Йена, которая, собственно, и познакомила ее с поляком. Рената фон Нацмер, внешне совсем не привлекательная, представляла для Сосновского не меньший интерес, чем Фалькенхайн. Умно все рассчитав, он приучил обеих женщин к очень высоким жизненным стандартам, делал им дорогие подарки, появлялся вместе с ними на ипподромах и в фешенебельных берлинских отелях и ресторанах. Он сумел так их обворожить, что они стали совершенно ему послушными. На самом же деле, как выяснилось, ротмистр по-настоящему любил только одну женщину – танцовщицу, уроженку одной из стран Ближнего Востока.

Дорогостоящие жизненные привычки ротмистра вызвали подозрения у отдела «III F» абвера. Что-то здесь было не так. По приказу Патцига капитан II ранга Протце начал слежку за поляком, и через некоторое время было установлено, что Сосновский в конце каждого месяца регулярно заходит в здание польского посольства, не подвергаясь проверке, и так же свободно выходит из него. Протце дознался также, что ротмистр финансировал одному кадровому немецкому офицеру поездку с женой на отдых в Италию, и в конце концов абверовец сумел связаться с упомянутой танцовщицей, которую поляк часто посещал. Тем временем обе женщины, Нацмер и Фалькенхайн, попали в полную зависимость от ротмистра. Вероятно, он рассказал им, что его грозят отозвать в Варшаву из-за его неудач как сотрудника польской секретной службы, а поскольку обе подруги не хотели терять своего возлюбленного (а Сосновский каждой из них в тайне от другой обещал жениться), они начали на него работать. Передаваемые ему планы и материалы он перефотографировал. Среди них был и вариант плана развертывания германских войск против Польши. Однажды он выехал с этими документами в Варшаву, но там эту «доставку» сочли вражеской игрой. Зная обычаи секретных служб и принимая во внимание связи между Польшей и Францией, следует считать спорным предположение, будто Второе бюро польского генерального штаба предложило Сосновскому продать свою добычу какой-нибудь иностранной разведке. Тем не менее ротмистр возвратился в Берлин, чтобы продолжить свою работу. Здесь его и настиг злой рок. Танцовщица однажды обнаружила случайно в ящике письменного стола ротмистра письма и бланки денежных переводов и в припадке ревности донесла об этом капитану II ранга Протце. Теперь настала очередь действовать исполнительной группе захвата. На одной вечеринке, которую устроила у себя на квартире эта танцовщица, абверовцы сумели арестовать весь этот круг лиц общим числом до 30 человек. В их числе был и Сосновский. Были задержаны и обе дамы, поставившие ротмистру секретные материалы. В итоге на последовавшем за этим процессе в имперском суде ротмистр Сосновский был приговорен к пожизненному заключению, но спустя некоторое время его обменяли на нескольких германских агентов, попавших в руки поляков. Бениту фон Фалькенхайн и Ренату фон Нацмер приговорили к смертной казни.

Гитлер решил использовать этот случай, чтобы задним числом оправдать ужесточение закона о государственной измене от 1929 г. своим указом от 24 января 1934 г. До этого люди, разглашавшие военные секреты из пацифистских или каких то идеалистических соображений, приговаривались к заключению в крепости или к небольшим денежным штрафам, а совершившие измену за деньги, да еще в интересах или по поручению вражеской разведки, – к каторжным работам. В 1934 г. все это изменилось: всем виновным в государственной измене грозила смертная казнь. Министр рейхсвера фон Бломберг выдвинул юридически обоснованные возражения, а шеф абвера поддержал его точку зрения, исходя из экспертных заключений отдела «III F» абвера. Гитлер отклонил их возражения, и в конце концов министр юстиции вынужден был завизировать новый закон²⁶.

Приговор по делу шпиона Сосновского, с которым пресса и уличные плакаты познакомили общественность, вызвал большую сенсацию не только в Германии, но и за рубежом. Еще и теперь этот случай привлекает внимание писателей-очеркистов и журналистов, и, как всегда, когда речь заходит о германской военной разведке, конечно, нет недостатка в необычных трактовках событий. Так, в своей книге «Шпионаж – мифы и реальность» англичанин Бернард Ньюмен утверждает, что обе дамы – фон Нацмер и фон Фалькенхайн «были немецкими агентами, и их специально поставили на пути Сосновского. А их казнь имела место лишь потому, что Гитлер желал тем самым унижить и утратить класс аристократов. Кроме того, их казнь должна была убедить поляков в том, что Сосновский был для своей страны крайне ценным шпионом, так как его соотрудницы заплатили за это жизнью. Казнь же обеих женщин была ценой за то, чтобы поднять Сосновского на высокий пьедестал в Польше. В этом качестве он, разумеется, оказывал немцам неоценимую помощь»²⁷. Иными словами, если верить Ньюмену, то выходит, что германская военная разведка использовала обеих женщин как агентов, затем хладнокровно позволила обвинить их в измене и, не сделав даже попытки помешать исполнению приговора, махнула на них рукой. Невольно встает вопрос, почему же тогда абвер потратил столько времени, чтобы разоблачить Сосновского.

Нет никакой необходимости терять время и слова на оценку описываемого Ньюменом. Дело Сосновского – это обычное шпионское дело, как и многие другие. Да и Бенита фон Фалькенхайн с Ренатой фон Нацмер не первые женщины, наказанные смертью за совершенную измену отечеству и выдачу его секретов. И все же можно извлечь из этого дела хороший урок, который заключается в том, что ни один шпион или агент ни в коем случае не должен использовать в своих целях женщин, разыгрывая любовь. Как капитан I ранга Патциг, так и адмирал Канарис постоянно напоминали своим офицерам, что в военной разведке подобные отвратительные методы нежелательны.

В первые годы нацистского режима абверу удалось сфотографировать с большой высоты знаменитую «линию Мажино», используя для этого благоприятные погодные и иные условия. Министру рейхсвера об этом не докладывали, не желая обременять его политическими моментами: ведь если бы акция не удалась, шефу абвера пришлось бы туго. Однако Бломберг, находившийся в это время в Киле, случайно узнал об этом. Он вознегодовал, заявив, что тем самым якобы были торпедированы какие-то намерения фюрера, и захотел выяснить, кто и зачем поставил эту задачу. Патциг, призванный к ответу, явился к министру, и тот встретил его такими словами: «Начальник разведки, который предпринимает подобные эскапады, мне не нужен». Бломберг не проявил ни малейшего понимания важности добытых абвером аэрофотоснимков на случай войны. После этого Патциг изложил дело перед главнокомандующим

---

²⁶ Здесь в основу положены сообщения адмирала Патцига и секретарши отдела Абвер-III F г-жи фон Юхтриц (10 апреля 1965 г. и 7 июля 1965 г.) непосредственно автору книги; кроме того: Наблюдатель (= Dr. Will Grosse): Geheimdienst, Fahnen und Hakenkreuz. Ein kritischer Tatsachenbericht aus der militaerischer Abwehr, in: Echo der Woche, 3. Maerz 1950, S. 5.

²⁷ Newmann B.: Spionage, Mythos und Wirklichkeit, Muenchen 1964, S. 36f.

сухопутными войсками и добился того, что генерал фон Фрич заявил министру, что он сам дал поручение провести эту воздушную разведку. Его, со своей стороны, поддержал и генерал фон Рейхенау. Но министр настаивал на замене Патцига, поскольку, мол, «этот человек неблагонадежен для партии»²⁸.

Это было в октябре 1934 г. Беседа с министром высветила обстановку, которая уже тогда, через 20 месяцев после начала правления Гитлера, царила в высшем руководстве германских вооруженных сил. Министр рейхсвера уже давно переметнулся в лагерь Гитлера и его палатин. Не имея никакого представления о складывавшихся политических взаимосвязях, он совершенно не понимал и того, что могло означать для дела занятие Гейдрихом поста руководителя «тайной государственной полиции» (гестапо) Пруссии, на котором до него сидел Рудольф Дильс. Вероятно, он не замечал или не хотел замечать, с какой настойчивостью Гейдрих при каждом удобном случае пытался вмешиваться в компетенцию военной разведки. Это облегчалось Гейдриху тем, что абверу приходилось во всех своих мероприятиях полагаться на сотрудничество с органами гестапо, а также с охранной и наружной полицией. Причиной этого было то, что в Германии в мирное время никогда не существовало военной полиции, как это имело место во многих других странах. До 1933 г. военная разведка ориентировалась на сотрудничество с группами IA (оперативные группы) полицейских управлений (полицайпрезидиумов земель), и оно осуществлялось без каких-либо трений. Но после того как гестапо монополизировало охранные функции в государстве, а при Гиммлере его тенденция к исключительности стала еще более подчеркнутой, между абвером, с одной стороны, и гестапо и СД, с другой, неизбежно должны были возникнуть разногласия.

Однако шеф абвера вовсе не собирался терпеть какую-либо опеку Гейдриха. Напряженность между абвером и гестапо, как, впрочем, и между ним и органами партии и СД, все больше усиливалась, и в конечном счете это явилось причиной, по которой Патциг покинул абвер и возвратился в корпус морских офицеров. Правда, фон Фрич и фон Рейхенау возражали против снятия Патцига со своего поста, но договориться с Бломбергом уже не было никакой возможности. Когда 31 декабря 1934 г. капитан I ранга хотел доложить министру об убытии, последний объявил через адъютанта, что в этом нет необходимости. Патциг же настаивал на этом, и, когда его наконец пропустили к министру, он без обиняков высказал ему свое отношение к внутривнутриполитическому развитию, которое, по его мнению, снижало уважение к немцам. Немецкий народ, так он говорил, с надеждой смотрел после смерти генерал-фельдмаршала фон Гинденбурга на министра рейхсвера, ожидая от него «защиты от злоупотреблений, чинимых партийными организациями». Сегодня он, Бломберг, еще может вмешаться и защитить рейхсвер; через полгода будет слишком поздно. Министр находится в контакте с высшим руководством и не знает, что творится за стенами его кабинета. Как бывший начальник абвера, продолжал Патциг, он может на основе собственного опыта сказать лишь одно: «СС – это мусорная корзина с сомнительного рода личностями и преступниками, которые не останавливаются ни перед чем, даже перед убийством, когда встает вопрос о расширении их власти». Ему, Патцигу, было бы легко вступить в союз с СС или гестапо. «Но если бы я это сделал, – подчеркнул Патциг, – я стал бы предателем рейхсвера». Бломберг перебил Патцига словами: «Господин капитан I ранга, СС – это организация фюрера». На это Патциг ответил: «Тогда мне очень жаль, что фюрер не знает, какая куча мусора собралась под ним». Министр рейхсвера счел этот момент подходящим, чтобы прекратить аудиенцию. Он сделал это в подчеркнутом тоне: «Политическую ответственность здесь несу я, а не вы! Я вижу обстановку совсем по-другому и с большим оптимизмом. Впрочем, будущее покажет, кто из нас прав».

---

²⁸ Сообщение адмирала Патцига автору.

Очень горько вспоминать обо всем этом. В те времена было еще крайне мало высших офицеров, имевших гражданское мужество открыто выражать свое мнение и делать практические выводы из своих убеждений, когда для этого представлялась возможность.

Итак, 31 декабря 1934 г. бывший шеф абвера Конрад Патциг стал командиром броненосца «Граф Шпее», а два года спустя, произведенный тем временем в адмиралы, занял пост начальника отдела кадров главного командования ВМФ и сохранял его до самой войны. Новым начальником абвера с 1 января 1935 г. был назначен капитан I ранга Вильгельм Канарис. При выборе его на должность шефа тайной военной службы принимались во внимание не только его дипломатические способности, но и то, что как морской офицер он быстрее и легче найдет нужное равновесие между абвером и СД, чем сухопутчик, так как у ВМФ как в профессиональном, так и в политическом плане было меньше точек соприкосновения с партийными инстанциями и с органами СД.

Глава 5

Новый шеф – адмирал Вильгельм Канарис

Немногочисленным оценкам историка, ответственно смотрящего на личность и дела последнего шефа германской тайной военной службы адмирала Вильгельма Канариса, противостоит огромное количество описаний и характеристик (в том числе театральных и киношных). Их авторы предпочитают идти легким путем и редко отваживаются дать обоснованные суждения об этом неординарном и сложном человеке. Они выражают, как правило, лишь собственную политико-идеологическую точку зрения или вообще довольствуются одной сенсацией. Если не считать подобных поделок, то на шкале общего неприятия (даже кое-кем из его круга людей) он отмечен и как шеф тайной службы, ставший предателем, и как замаскированный нацист, участвовавший в подготовке гитлеровских военных планов. Тем более необходимо выправить это искаженное представление о личности, которую кто-то осторожно обходит стороной, а кто-то легкомысленно чернит, и вывести Канариса, а с ним и абвер из тумана лжи и полуправды.

Вильгельм Канарис родился 1 января 1887 г. в Аплербекке близ Дортмунда. Он был младшим сыном в семье директора металлургического завода Карла Канариса и его супруги Августы-Амелии. Семья Канарисов вскоре переехала на жительство в Дуйсбург. Его предки по отцу происходили не от известного греческого героя-моряка Канариса, освобождавшего Грецию от турецкого ига, как о том писали раньше, а от некоего семейства из Салы на озере Комерзе, перебравшегося оттуда в Кур-Трир. Его дед имел звание королевского горного советника. Дед с материнской стороны был старшим лесничим герцога Саксонского. Выросший в религиозной христианской семье с национал-либеральными убеждениями, Вильгельм страстно увлекся верховой ездой и вскоре стал владельцем собственной лошади. Но подсознательно и очень рано в юности начал путь к профессии, которая отвечала бы его стремлению к свободе и широким просторам, а также – и не в последнюю очередь – его врожденной тяге к необычным испытаниям. По окончании реального училища Канарис поступил 1 апреля 1905 г. морским кадетом в кайзеровский военный флот. Несмотря на некоторую физическую слабость, он выдержал все испытания на парусном учебном судне, крейсерском корвете «Штайн», а после окончания военно-морского училища в Киле и последующей практики, оцененной высшим баллом, был произведен в корабельные гардемарины. Осенью 1907 г. Канарис был направлен на крейсер «Бремен». Осенью 1908 г. он стал лейтенантом флота. В соответствии с тогдашней практикой крейсеру «Бремен» полагалось поддерживать политические и экономические интересы рейха путем демонстрации флага в отведенном ему морском районе близ берегов Центральной и Южной Америки, а также защищать жизнь и имущество граждан Германии, находящихся в латиноамериканских странах, где часто имели место политические катаклизмы. Как адъютант командира корабля Канарис имел возможность познакомиться с жизнью и культурой ибероамериканского мира. Тогда же он приобрел и основные навыки позднее отточенного знания испанского языка. В ежегодной секретной аттестации командир корабля записал: «... предложенную ему по производству в чин службу в качестве адъютанта командира корабля нес превосходно и при выполнении мобилизационных задач совместно со старшим офицером Восточноамериканской военно-морской базы проявил гораздо большую сноровку и находчивость, чем можно было предположить, принимая во внимание его непродолжительную службу на флоте...» И уже тогда были замечены его «повышенная скрытность» и «строгий молчаливый характер»²⁹.

---

²⁹ Из личного дела адмирала, хранящегося в Центральном архиве документов Института военно-исторических исследо-

По возвращении на родину Канариса назначают караульным офицером и одновременно артиллерийским офицером на торпедный катер 2-й флотилии торпедных катеров, являвшейся тогда высшей школой ВМФ. В его служебной характеристике появилась запись: «Годен к последующему назначению командиром ТК»³⁰. Осенью 1912 г. командование снова предпочло направить молодого офицера на один из крейсеров, шедших в свободное плавание, а именно на крейсер «Дрезден», которому поручалось демонстрировать германские интересы в восточном Средиземноморье в связи с беспорядками на Балканах. Несколько позже такие же задачи были поставлены командиру крейсера в водах Мексиканского залива. Во время кровавых революционных событий в районе Вера-Крус корабль смог взять на борт у Тампико около 100 американских граждан и потом передать их на внешнем рейде командующему американской эскадрой. Командир «Дрездена» капитан I ранга Кёлер откровенно признал огромную помощь, которую оказал ему обер-лейтенант Канарис своими знаниями политических проблем Центральной Америки.

Начало Первой мировой войны помешало крейсеру «Дрезден», которого перед тем сменил крейсер «Карлсруэ», вернуться на родину. Он получил приказ вести канонерские действия против союзного судоходства у берегов Южной Америки. Однако больших успехов корабль добиться не смог, так как нехватка угля срывала все тактические планы. Однако ему удалось пройти в Тихий океан и у острова Пасхи соединиться с подошедшей сюда из Восточной Азии эскадрой адмирала графа фон Шпее, которая в сражении у Короманделя наголову разгромила 1 ноября 1914 г. английскую эскадру. В тот день после первого и единственного в его жизни победного морского сражения он написал своей матери: «...действительно большой успех, который дает надежду и, возможно, повлияет на общую обстановку». Однако он все же остается скептиком и надежду на выгодный мир считает слабой: «Очевидно, это продлится долго, прежде чем удастся разгромить Англию».

Обогнув мыс Горн, эскадра графа фон Шпее встретила у Фолклендских островов с превосходящими силами противника. Разыгралось сражение, в котором все германские корабли были потоплены. Только «Дрездену» удалось благодаря большой скорости хода укрыться в безлюдном архипелаге Огненной Земли. Там корабль, предоставленный самому себе, продержался, несмотря на большие трудности с провиантом и топливом, в течение нескольких месяцев во многом благодаря большой изобретательности Канариса. Лишь 9 марта 1915 г. «Дрезден» был обнаружен английским крейсером «Глазго» у Мас-а-Терра, где тот стоял из-за отсутствия угля, и взят под сильный обстрел. После короткого, но неудачного для «Дрездена» боя Канарис был отправлен парламентаром на «Глазго» с поручением опротестовать обстрел чилийских территориальных вод. Ответ командира английского корабля был краток и ясен: «У меня приказ уничтожить «Дрезден», где бы я его ни встретил. А все остальное уладят дипломаты». Когда Канарис вернулся ни с чем на свой корабль, неравный бой возобновился. В конечном счете команда «Дрездена» открыла кингстоны под огнем с «Глазго». Раненые были переправлены в Вальпараисо, а остальной экипаж интернирован чилийскими властями на острове Кирикина в архипелаге Хуан-Фернандес.

Шли недели и месяцы, Канарис страдал от вынужденного безделья. Однажды ночью он с разрешения командира уплыл на гребной лодке к материку. В последующие недели августа 1915 г. он частично пешком, частично верхом пересек в одежде крестьянина Кордильеры. Рождество он встретил уже в Аргентине в доме немецких колонистов. Теперь оставалось только найти подходящий корабль, который шел бы в Европу. С чилийским паспортом на имя Риеда Розаса, под видом молодого вдовца, едущего в Голландию по делам наследства, Канарис взял билет на голландский пароход «Фризия» до Роттердама. По пути он завязал знакомство с

ваний во Фрайбурге, частично опубликовано в: Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, II, 1963, S. 283ff.

³⁰ Там же.

несколькими английскими пассажирами. В Плимуте он без осложнений прошел проверку британской контрольной службы. И даже один чиновник придирчиво проверил, действительно ли молодой чилиец говорит на диалекте Вальпараисо. Приехав в Берлин через Роттердам, Канарис доложил командованию ВМФ о судьбе «Дрездена».

После короткого отпуска он в конце ноября 1915 г. был направлен в Мадрид помощником военно-морского атташе капитана II ранга Крона. Его задача состояла в том, чтобы разыскивать в испанских портах людей, согласных в интересах немцев наблюдать за судоходством союзных держав и нейтралов, а также выспрашивать разные сведения у моряков с иностранных судов. Кроме того, он должен был договариваться с испанскими фирмами о поставках угля, мазута и продовольствия немецким судам и подводным лодкам, заходившим ненадолго в испанские порты. Германский военно-морской атташе и его офицеры не могли лично выполнить такую задачу, тогда как «англо-чилиец» Риед Розас для этого вполне подходил. Благодаря умелому подходу к людям и превосходному знанию языка он сумел за год создать хорошо функционирующую организацию. Он проникся глубокой симпатией к испанскому народу, а пребывание в доме атташе позволило ему познакомиться с людьми – испанцами и немцами, которые оченьгодились ему через 20 лет.

Приступы малярии и большая усталость заставили Канариса просить о замене, на что Берлин дал согласие. И вот, в сопровождении испанского священника, выдавая себя за больного чахоткой, он беспрепятственно проник через южную Францию и север Италии в Швейцарию, где его арестовали на самой границе по подозрению, что он является германским шпионом. Все попытки бежать оказались тщетными, и петля была неизбежна. Тут подключился Мадрид и убедил итальянцев, что арестованный действительно чилиец. Канариса освободили, но с требованием вернуться в Испанию через Марсель на испанском пароходе. Убежденный, что в Марселе его схватит французская тайная полиция, Канарис открылся капитану корабля, что он немец. Испанец проявил себя как истый «кабальеро» и изменил маршрут, взяв курс на Картахену. В Испании он сумел отделаться от слежки, выйти на рыбацкой лодке к условленному через военную миссию в Мадриде месту встречи с немецкой подводной лодкой. Пройдя через все Средиземное море, эта лодка добралась до австрийского военного порта Пулы, и через несколько дней Канарис был в Берлине.

В сентябре 1917 г. Канарис, теперь уже капитан-лейтенант, после недолгой переподготовки на курсах подводников стал заместителем командира подводной лодки, на которой совершил дальний боевой поход. Затем он прибыл в Киль, где летом 1918 г. получил под командование новую подводную лодку «УВ-128». Выпущенная в свободное плавание, эта лодка пришла поздней осенью в Средиземное море. Но в начале октября окончательно рухнул австро-венгерский фронт, и немецкие подводные лодки, базировавшиеся на Каттаро, оказались без горючего и боеприпасов. Те, кто еще имел запас хода, прорвались через Гибралтар и Ла-Манш в родные порты. 8 ноября 1918 г. 11 таких лодок и «УВ-128» в их числе строем кильватера вошли в гавань Киля под старыми кайзеровскими флагами, а на стоявших там кораблях уже реяли красные флаги революции.

Крах империи не был для Канариса неожиданным. Но как и для всех офицеров, воспитанных в монархических традициях, 9 ноября было тяжелым потрясением³¹. Будучи монархистом, Канарис до этого не придавал большого значения тому, какая форма государственного устройства предпочтительнее, но, когда в повестку дня встал вопрос остаться верным государству, т. е. теперь – социалистическому правительству республики, или «отойти в сторону» и приобрести гражданскую профессию, Канарис пошел по первому пути, решив и дальше служить пострадавшему отечеству. Летом 1919 г. Канарис перешел в личный штаб министра

---

³¹ 3. Leverkuehan P. Der geheime Nachrichtendienst der deutschen Wehrmacht im Kriege, Frankfurt 1960, S. 185.

рейхсвера Веймарской республики Густава Носке, где занялся комплектованием и обустройством двух морских бригад.

Во всех перипетиях тех бурных дней Канарисом владело опасение, что рано или поздно коммунисты возьмут верх, и это отчасти объясняет, почему он в годы подъема нацизма приветствовал его антикоммунистическую составляющую. Но после того как Гитлер пришел к власти и использовал во вред предоставленные ему полномочия, Канарис стал все отчетливее усматривать в нацизме «зародыш национал-большевизма и даже определенный перелом в сторону коммунизма»³².

При отборе офицеров в 100 тысячный рейхсвер, разрешенный Версальским договором, в расчет по указанию Носке принимались только военные заслуги на фронте и при подавлении внутренних беспорядков. Политическая ориентация никого не интересовала. Носке стремился держать рейхсвер вообще подальше от всякой политики. Он считал, что армия будет тем сильнее, чем меньше политических идей будет фигурировать при ее создании. Армия должна быть целиком в распоряжении государства. Этот тезис был оправдан тем, что с помощью своих аполитичных солдат Носке спас Германию от большевизма, подавил коммунистические мятежи и сохранил молодую Веймарскую республику.

После консолидации внутривойсковой обстановки Канарис, переведенный в марте 1920 г. в новый ВМФ, снова оказался на рельсах нормальной военной службы с ее обычной переменой мест из штаба на корабль и обратно. В июле 1920 г. он был назначен первым заместителем начальника абверштелле Балтийского моря, чьей задачей было находить пути повышения возможностей немногочисленного германского флота в будущем вопреки требованиям Версаля. В середине 1923 г. Канариса откомандировали на должность первого помощника командира крейсера «Берлин», который впервые после 1918 г. должен был продемонстрировать германский флаг за рубежом. Судьба пожелала, чтобы среди его подчиненных оказался Рейнхард Гейдрих, ставший впоследствии шефом Главного Управления Имперской Безопасности (РСХА) и злейшим врагом Канариса. Хотя у Канариса была блестящая служебная характеристика, он вдруг решил, что ни физически, ни духовно не соответствует требованиям службы. Однако командующий ВМС Балтийского моря контр-адмирал фон Гагерн стал уговаривать его остаться и добился того, что Канарис забрал рапорт обратно.

Благожелательность старшего начальника благотворно подействовала на его душевное и физическое состояние. С мая по октябрь 1924 г. Канарис был направлен в Японию, где знакомился со строительством подводных лодок концерном «Кавасаки» по немецким проектам. Затем он стал референтом в штабе начальника управления ВМФ в министерстве рейхсвера. В этом качестве Канарису пришлось заниматься вопросами развития подводного флота, а в связи с ограничениями Версаля и строгим контролем за их исполнением эту задачу можно было решать только в нейтральных странах – Испании, Голландии и Финляндии. Это была секретная работа, но еще не тайная служба. Особой радости она ему не доставляла. Бумажная волокита была ему не по душе. Тем не менее это давало ему превосходные шансы для проявления своих разносторонних способностей. В характеристике от 1 ноября 1926 г. говорится: «Тонкое знание психологии и менталитета других народов и отличное владение иностранными языками позволяют Канарису умело общаться и ладить с иностранцами, быстро завоевывать их расположение. Получив задание, он не останавливается ни перед чем, ничуть не робеет, и нет таких запоров, через которые он бы не проник и не вышел на нужного ему человека, чтобы тут же оседлать его с детски наивным лицом»³³.

В июне 1928 г. он снова был переведен на строевую службу первым помощником командира линкора «Шлезвиг», базировавшегося в Вильгельмсхафене, а уже в июле он получил

---

³² Там же.

³³ Из личного дела адмирала (см. прим. 1).

звание капитана II ранга и вскоре стал начальником штаба военно-морской базы Северного моря. 1 октября 1932 г. он был произведен в капитаны I ранга и назначен командиром линкора «Шлезвиг». Листая его личное дело, часто видим весьма положительные характеристики. Например, в докладе по начальству контр-адмирала Бастиана, командующего линейными кораблями, говорится: «...рекомендуется использовать Канариса на тех должностях, где он смог бы полнее применить свои способности наблюдать и свой дипломатический талант, а также свои духовные свойства, но так, чтобы его скептицизм не передавался в повседневной жизни слишком большому кругу лиц»³⁴. Командующий ВМФ вице-адмирал Фёрстер подчеркнул это место в докладе Бастиана и приписал к этому, что Канарис больше подходит для занятий в военно-политической сфере, нежели в чисто военной.

Тем не менее Канарис оставался командиром «Шлезвига» до 30 января 1933 г. Как и почти все высшие военные, он не сделал ничего, что могло способствовать приходу Гитлера к власти, но он не был и против этого. Из высказываний Гитлера он усвоил только возможность дальнейшего развития ВМФ. Перемены в Германии никак не отразились поначалу на его карьере. Правда, начальник управления ВМФ адмирал Редер с известным холодком относился к необычной личности, какой он считал Канариса. И того не слишком удивило, когда после окончания положенного срока командования кораблем Редер не нашел для него никакого дела. Последовавшее 29 сентября 1934 г. назначение Канариса комендантом военно-морской крепости Свинемюнде выглядело как конец карьеры. Однако неожиданно для него самого и многих его сослуживцев приказом, вступавшим в силу 1 января 1935 г., капитан I ранга Канарис был назначен начальником абвера. Он вряд ли стремился к этому посту после 30 лет службы на флоте, но ему издавна казалась заманчивой эта сфера, подчас соприкасавшаяся с его деятельностью. Когда капитан I ранга Патциг, передавая ему дела, заговорил о трудностях, чинимых абверу гестапо и СД, и назвал некоторых лиц, от которых надо ждать неприятностей, Канарис весьма самоуверенно заявил: «Ну, с этими молодчиками я живо расправлюсь!» На что Патциг заметил: «В далекой перспективе сегодняшний день станет началом вашего конца»³⁵.

Канарис пришел в уже сработавшуюся и жестко управляемую организацию. Здесь все знали друг друга и держались заедино, понимая к тому же, что они делают «нечто сомнительное». Общий дух абвера тогда можно было назвать консервативным³⁶. Поэтому офицеры абвера поначалу совсем не радовались приходу Канариса, которого считали настроенным пронацистски. Конечно, вначале он приветствовал падение плохо функционировавшей парламентарной демократии Веймара и перестройку рейха в централизованное единое государство. Но он не мог не видеть и эксцессов СА, а также равнодушие Гитлера и его паладинов к вопросам чести и морали. По убеждению Канариса, «убийствами и пытками» правительство неспособно завоевать авторитет у народа. Только надежда на то, что президент Гинденбург создаст с помощью армии противовес дикости нацистского движения, позволяла ему на время заглушать свои тревоги.

Когда Канарис впервые собрал в Берлине начальников отделений абвера на местах, большинство его сотрудников встретили нового шефа весьма настороженно. Как поведал один из участников совещания, «в отличие от Патцига он выглядел неброско и даже несколько неряшливо – невысокий, уже сильно потрепанный жизнью моряк с седыми волосами, кустистыми бровями и усталыми глазами. Вступительное слово, явно выдержанное в нацистском духе, он зачитал по бумаге. Затем предложил высказываться собравшимся. У меня сложилось было впечатление, что мой доклад вызывает у него зевоту. Но он неожиданно стал задавать дельные вопросы, из чего следовало, что он внимательно слушает и полностью понимает сказанное. Он

---

³⁴ См. прим. 1.

³⁵ Личное устное сообщение адмирала Патцига автору 9 апреля 1965 г.

³⁶ Из сообщения генерал-майора в отставке Хенке автору.

настоятельно рекомендовал сохранять добрые отношения с партией и тесное взаимодействие с гестапо, которое стало для нас исполнительной организацией для слежки, арестов и т. п., а также с только начинавшей складываться службой СД. Он не допускал при этом никаких сомнений в том, что мы, руководители отделений абвер-I и абвер-III, должны сохранять руководство в своих руках»³⁷.

Тем самым был обозначен общий курс. И чем больше видел Канарис методы нацистских фюреров, тем сильнее возникало в нем внутреннее отстранение от новых владык. Жестокое подавление якобы вот-вот грозившего начаться «путча Рёма» в июне 1934 г. и связанное с этим убийство генералов Шлейхера и Бредова, а также ряда «личных врагов» коричневых главарей наряду с растущим бойкотом евреев скоро привели Канариса к выводу, что Гитлер вовсе не думает о реформах по оздоровлению государства и о введении порядка, основанного на праве и законе. Весьма показательным в этом плане одно событие, имевшее место в декабре 1937 г. Канарис пригласил своего товарища-морьяка Патцига (оба они тогда уже были адмиралами) на завтрак, чтобы обсудить некоторые серьезные вопросы с глазу на глаз. Он начал разговор с фразы: «Там наверху одни преступники!» На что Патциг вполне логично возразил: «Тогда вам больше нельзя руководить отделом. Подайте рапорт о переводе, и я как начальник отдела кадров позабочусь, чтобы вы получили соответствующую командную должность». Канарис раздумывал несколько секунд, потом подчеркнуто сказал: «Нет, я не могу это сделать. Тогда на мое место придет Гейдрих»³⁸.

Ситуация уже тогда была для него далеко не радостной: опоры на друзей-морьяков не оставалось, не было контакта и с адмиралом Редером. Большинство морских офицеров приняли сторону Гитлера, которому удалось в июне 1935 г. заключить соглашение по флоту и тем не менее упорно продолжать строительство германского ВМФ. Канарис же довольно быстро понял, что Гитлер мыслит исключительно в масштабах Европы и совершенно не понимает значения фактора «морской мощи». Неудивительно, что флотские товарищи не разделяли скептицизма Канариса и считали его «чужаком». Гросс-адмирал Дениц так объяснил это отношение морьяков перед Нюрнбергским военным трибуналом: «Он был совершенно отличным от нас, и у нас о нем говорили: у него в одной груди семь душ»³⁹.

И все же вряд ли нашелся бы другой офицер в чине капитана I ранга или полковника, который в 1935 г. в силу своих способностей, знания других стран, высокого уровня образования и удивительного умения обращаться с людьми мог бы лучше подойти на должность шефа абвера, чем Вильгельм Канарис. Это был практически идеальный руководитель, умевший несколькими словами охватить всю задачу и указать главное направление ее решения. Он видел не только сиюминутные трудности, но и те, которые могли возникнуть в будущем, и мог дать ценные рекомендации о том, как их преодолеть. «Если проблема выходила за пределы понимания исполнителя задачи, – рассказывает один из его сотрудников, – а это случалось часто, он сопрягал ожидаемые ошибки с дополнительными приказами третьим лицам и добивался того, что ошибки, которые могли быть допущены послезавтра, учитывались и исправлялись уже сегодня»⁴⁰. А опытным подчиненным при выполнении трудных и важных задач, как правило, предоставлялась полная свобода рук. И оказанное им доверие возвращалось ему таким же доверием подчиненных, никогда его не подводивших. Полный самых разных идей и в то же время рассудительный во всем, он быстро реагировал на происходящее, но при этом всегда сохранял определенную дистанцию к людям. Именно поэтому его всегда было трудно понять.

---

³⁷ См. прим. 8.

³⁸ См. прим. 7.

³⁹ См. Протоколы Международного военного трибунала (МВТ). Том XIII, стр. 48.

⁴⁰ Boveri M. Der Verrat im XX Jahrhundert, Bd. 2, Hamburg 1956, S. 45.

Само собой разумеется, Канарис требовал от людей полной отдачи, но при этом всегда строго следил за тем, чтобы задания выполнялись жестко в рамках права и человечности, а полномочия ни в коей мере не превышались. Эта позиция шефа стала общей для всех его офицеров, и в ходе войны ее плоды можно было встретить на самых отдаленных театрах войны.

В политических же вопросах, не входивших прямо в сферу его компетенции, Канарис нередко проявлял нерешительность или вообще старался их не касаться. Поэтому некоторые считали, что он боится ответственности, но это далеко не так. О его готовности к принятию быстрых и ответственных решений говорит так называемое «Дело Пауля», один из поучительных примеров работы германской военной тайной службы. В ноябре 1941 г. капитану Борхеру из отделения абвера в Сен-Жермене (Франция) удалось внедриться в центр разветвленной шпионской сети французов, имевшей хорошо налаженную радиосвязь с Лондоном. По полученной наводке был произведен обыск дома № 8 по улице Вилла-Леандр на Монмартре. Находившиеся там агенты сумели скрыться. Но в ходе обыска были найдены горы материалов о шпионской деятельности этого центра. Анализ материалов позволил получить ценные данные о порядке и формах работы, а также об интересах британской Интеллидженс Сервис. Последняя и руководила французской шпионской сетью, носившей кодовое наименование «Reseau Interallie» («Межсоюзная сеть»). Началась контрразведывательная операция, которой отделение абвера в Сен-Жермене присвоило наименование «Дело Пауля».

Эту сеть создали в основном два человека – капитан польского генштаба Роман Чернявский и француженка Матильда Каррей по прозвищу Кошка. После разгрома Польши Чернявский пробрался во Францию и встал в ряды дезолетцев. Зимой 1939/40 г. он приехал в Люневиль, где познакомился с одной молодой вдовой, влюбился в нее и получил от нее документы ее покойного мужа Армана Борни. Под его именем Чернявский действовал сначала в группах Сопротивления в Тулузе и Марселе, а потом в Виши, столице неоккупированной части Франции. Со своей тогда еще небольшой организацией «Арман» установил связи с Лондоном. По совету Матильды Карре «Арман» поехал в Париж, чтобы оттуда развернуть шпионскую сеть в оккупированной части Франции. Данные, полученные после внедрения абвера в эту сеть, показали, что она работает прямо под носом у оккупационных германских властей.

После ареста «Армана» начальник отдела контрразведки в штабе оккупационных войск во Франции подполковник Райле, которому передали ведение «Дела Пауля», убедился на допросах, что имеет дело с откровенным и порядочным человеком. Напрашивалась попытка завербовать его для работы на немцев. Для этого нужно было одобрение Канариса и его указания о том, как далеко можно заходить в переговорах с «Арманом». В случае согласия «Армана» следовало найти способ переправки его в Англию таким образом, чтобы не вызвать подозрений. «Арман» согласился, и Райле составил письменный договор. В нем абвер гарантировал, что 66 членов «Резо Интералье» не будут преданы военно-полевому суду, если «Арман» обяжется работать в Англии в интересах Германии.

Было решено организовать «Арману» побег из тюрьмы таким образом, чтобы всем непосвященным и агентам Интеллидженс Сервис он показался настоящим. «Арман» потребовал внести в письменный договор дополнительное условие, согласно которому он обязывался вести шпионаж против всех врагов Германии, за исключением Польши. Райле доложил Канарису о проведенной подготовке, и тот одобрил результаты и план дальнейших действий. «Арман» был тщательно подготовлен к выполнению своих будущих заданий. Ему даже пришлось научиться собирать радиопередатчик из повсюду продающихся деталей. Днем «побега» было выбрано 14 июля, французский национальный праздник, когда на улицы выходят толпы людей. Был ясный солнечный день, и «Армана» под предлогом доставки в какой-то орган власти повезли из тюрьмы Френе через Париж в открытой легковой машине. Внезапно на одной из самых оживленных улиц «Арман» выпрыгнул из машины и исчез в толпе. Немецкие конвоиры бро-

сились за ним и так хорошо разыграли сцену преследования, что у парижан, наблюдавших этот спектакль, сложилось впечатление о настоящем побеге.

Маневр удался. В январе 1943 г. были получены первые шифровки, которыми «Арман» удостоверил свое прибытие в Лондон через южную Францию и Испанию. Данные, поступавшие по этому каналу связи, оценивались немецкими штабами как вполне доброкачественные. Выявить какие-либо признаки перевербовки не удалось, но по всему чувствовалось, что «Арман» не свободен в своих действиях. Можно было предположить, что он раскрылся и что его шифровки составляет Интеллидженс Сервис. Возможно, она не отказывалась от попыток ввести абвер в заблуждение, но в то же время должна была учитывать и положение своих 66 бывших сотрудников. С точки зрения англичан, сведения от «Армана» не имели большого значения, но для Германии они все же были небезынтересны. Как бы то ни было, абвер выполнил свои договорные обязательства: товарищей «Армана» полевому суду не предали. Тогда абвер был еще достаточно силен, чтобы защитить этих заключенных.

Чернявский-«Арман» слал свои шифровки вплоть до начала 1945 г. После войны он служил в английской авиации, а в 60 х гг. выпустил в свет книгу под названием «Большая сеть» («The Big Network»), в которой сказано, что все участники «Резо Интералье» остались живы. Думается, что Интеллидженс Сервис передавала через «Армана» только правильные сведения, но не считавшиеся важными.

Как уже говорилось, о Канарисе написано очень много, и разные авторы дают ему самые различные характеристики. Например, английский историк Тревор-Роупер обвиняет адмирала в авторстве письма к графу Фольке-Бернадотту⁴¹ от 22 апреля 1947 г., в «беспомощности и небрежности в служебных делах» и называет его «человеком прустовского типа», слишком сложного в своих поступках⁴². Поскольку эта характеристика принадлежит весьма уважаемому историку, ее охотно используют часто для негативной оценки адмирала. Но утверждать, будто шеф абвера был «беспомощным и небрежным» и что он «отстранялся от всего», никак нельзя. «Когда приходится работать с людьми, наделенными фантазией, но в то же время дисциплинированными и привыкшими подчиняться приказам, и в то же время ожидать повиновения от вверенной ему воинской единицы, тогда сами собой возникают такие служебные отношения, каких больше не бывает нигде. Именно такие человеческие отношения, являющие собой смесь воинского поведения, личного почтения перед талантом и трудолюбием, а также большого уважения и даже симпатии, были становым хребтом всей службы под началом адмирала Канариса»⁴³. Этими словами бывший офицер абвера майор Леверкюн открывает самую суть проблемы. Постороннему человеку, незнакомому с секретной службой, вероятно, должно казаться, что здесь, по крайней мере у той части этой организации, которая доступна глазу, отсутствует воинская четкость и дисциплина. Но как раз именно наличие этого и отличало работу абвера при Канарисе, действовавшего очень точно и целесообразно. Заявлять, что адмирал «отстранился» от абвера, глупо. Как раз наоборот, он идентифицировал себя с ним. Он постоянно ездил по отделениям на местах, выслушивал доклады офицеров. В то же время в условиях сильной децентрализации системы абвера, охватывавшей больше половины земного шара, неизбежной была передача многих полномочий и ответственности непосредственно внешним органам, а это всегда предполагает умение подбирать нужных людей и разбираться в них.

Было много сомнений в том, хорошо ли Канарис знал своих сотрудников. Ведь он порой терпел откровенных посредственностей и даже поощрял их. Но это свидетельствовало лишь о том, что им руководили при этом какие-то определенные соображения и ожидания. Когда его

---

⁴¹ Из письма Тревор-Рупера графу Фюльке Бернадотту, в: Schellenberg W. Memoiren; Koeln 1959, Anhang. S. 401ff.

⁴² Leverkuehn, a. a. O. S. 188.

⁴³ Сообщение подполковника в отставке Райле автору.

однажды спросили об этом, он ответил с хитрой улыбкой: «Мне нужны такие борзые собачки, чтобы затаптывать следы моих гончих»⁴⁴. А еще в абвере неизменно господствовало ощущение того, что «старик не бросит меня в беде». Поскольку же разведчик часто оказывается в опасных ситуациях, он должен быть уверен в этом, тем более что в Третьем рейхе на всех, имевших отношение к разведке и в особенности к абверу, где многие были связаны с работой за рубежом, смотрели с большим недоверием, и за ними всегда следили гестапо и СД.

Кто-то из англичан сказал: «Тайная служба – это настолько грязное дело, что руководить им может только джентльмен». Именно это можно сказать и о Канарисе. Основой поведения для него была порядочность, и из нее он исходил при работе с подчиненными. В его глазах ни убийство, ни преступление не могли быть средством выполнения задач разведки и контрразведки. Эту службу следует осуществлять в рамках международного права, а не методами, применявшимися СД. До тех пор пока у него были на то полномочия, он защищал всех своих сотрудников от нападков гестапо и СД. Это распространялось и на сотрудников-евреев, и, когда им грозила опасность со стороны гестапо, он устраивал им надежные заграничные командировки. В этом отношении показательно мероприятие «Семерка». Речь шла о том, чтобы спасти от гестапо семерых евреев, награжденных за мужество, проявленное в годы Первой мировой войны, и проживавших с семьями в Берлине. По личному указанию Канариса эту задачу взял на себя сотрудник абвера-1 майор Зойберт. «Семерку» стали для видимости готовить к использованию в Южной Америке, снабдили соответствующими документами и деньгами, вырученными от продажи их имущества, и отправили в Швейцарию. Отправка, которой руководил ротмистр Ланг из абвера-1, сопровождалась приключениями. Еще до этого майор Зойберт с большим трудом сумел помешать отправке одной из этих семей в концлагерь Терезиенштадт. Вскоре после отправки «семерки» в Швейцарию СД из-за оплошности управления делами абвера прознало об истинном смысле этой операции, но было уже поздно, а Зойберта своевременно перевели в Тунис⁴⁵.

Иллюстрировать атмосферу ответственности за людей и за дело, сохранявшуюся в абвере повсюду, могут и другие примеры. Когда русские летом 1940 г. готовились ввести войска в Прибалтику, пожертвованную Гитлером по германо-советскому пакту, возникла угроза для жизни всех агентов, работавших на абвер по выявлению советских военных секретов. Уполномоченный Канарисом офицер абвера в Эстонии позаботился о сотрудниках Второго бюро эстонского генштаба, обеспечил им прикрытие и отправил их тайно морем в Штеттин. В дальнейшем Канарис сам позаботился об их устройстве и благополучии, тогда как агенты многих других государств, работавшие в Эстонии, остались без помощи и большей частью попали в руки Советов⁴⁶.

Когда в начале сентября 1940 г. король Румынии Кароль II отказался от престола и руководство страной возглавил «кондукатор» генерал, а впоследствии маршал Антонеску, начальник румынской «Сигуранцы» (тайной службы) Морузоу находился в Венеции, где должен был вести переговоры с Канарисом об усилении безопасности нефтепромыслов Плоешти. События в Бухаресте настроили Канариса пессимистически. Он был уверен, что Антонеску устранил начальника «Сигуранцы» как политического противника. Адмирал предложил Морузоу защиту и политическое убежище. Тот отказался и уехал к себе. А через несколько дней Морузоу был арестован и вскоре злодейски убит кем-то из «Железной гвардии» Антонеску, полувоенной партийной организации типа СС. В дальнейшем отношения адмирала с преемником Морузоу генералом Кристеску ограничивались чисто деловыми вопросами.

---

⁴⁴ Schulze-Holthus: Fruehrot im Iran, Abenteuer im deutschen Geheimdienst, Esslingen 1952, S. 34.

⁴⁵ Сообщение подполковника в отставке Зойберга автору.

⁴⁶ Из рассказа подполковника в отставке Райле автору книги.

После вступления немецких войск в Данию Гитлер ограничился сокращением датской армии наполовину и оставил руководство страной в значительной мере королю Христиану X. Экономическое и общее положение Дании было настолько прочным, что Германия смогла получать оттуда продовольствие и другие товары в обмен на уголь. Хорошие отношения сложились и с сохранившейся датской тайной службой во главе с полковником Лундингом. Эти отношения переменились после поражения немцев под Москвой, причем это отмечалось не только в Дании. Постепенно росло недовольство оккупантами, доходившее до открытой враждебности. Усилилась заброска британских агентов, участились диверсии. Гитлер только ждал удобного случая, чтобы показать Дании и Европе, как отныне будут подавляться любые антигерманские выступления. И этот случай не заставил себя ждать.

К 72 летию Христиана X Гитлер направил ему поздравительную телеграмму, составленную в благонамеренном тоне. Король, ознакомившись с ней, послал ответную телеграмму всего из 11 слов: «Его Величество король Христиан X благодарит рейхсканцлера Адольфа Гитлера за поздравления». Гитлер усмотрел в этом преднамеренную бесцеремонность и отреагировал введением в Дании чрезвычайного положения. Датской армии приказали сложить оружие. Здание генштаба было оккупировано, но абвер не нашел среди огромного количества конфискованных документов ни единого материала, указывающего на связи датчан с западными союзниками. В этот момент вмешался Канарис. По его приказу начальнику датской разведки Лундингу была дана охрана, а отделению абвера в Копенгагене приказано не отдавать Лундинга в руки гестапо. Однако уже через сутки в отеле «Энглестер», где был интернирован полковник и его офицеры, появился гестаповец и потребовал выдачи ему Лундинга. Начальник отделения абвера в Копенгагене капитан Кламрот поехал в помещение гестапо вместе с Лундингом. Там ему пришлось долго ждать в приемной. А полковника тем временем вывели из здания через задние двери и увезли в Берлин в подвалы дома на Принц-Альбрехтштрассе⁴⁷.

В этой же связи необходимо также возразить против утверждения, которое сделал в своей книге «Трагедия абвера» Карл Бартц. Он пишет, что в 1941 г. «на решающем совещании в министерстве пропаганды абвер и Канарис защищали план присвоения евреям отличительных знаков и их переселения в гетто...». Все, включая Геббельса и шефа гестапо Мюллера, были против, и только абверовцы безоговорочно требовали нашивки на одежду «звезды Давида» и переселения евреев Берлина в барачные казарменные поселки»⁴⁸. Поразительно! Ибо на кого ссылается г-н Бартц? На бывшего статс-секретаря министерства пропаганды доктора Гуттерера, который дал это «показание» на судебном следствии. Однако в протокольной записи этого заседания значится следующее: «...один из разведчиков из ОКХ сказал, что Канарис думал, как сделать евреев «более заметными». Он требовал, чтобы им дали какой-то значок, чтобы в случае шпионажа можно было легко установить принадлежность человека к этой группе... Потом Канарис явился сам, повторил свое требование и указал на то, что в генерал-губернаторстве евреи уже носят «звезду Давида». У него с собой была папка дел, которыми доказывалось, что евреи участвуют в шпионаже. Он говорил, что за ними нужно наблюдать. Но при этом ничего не говорилось об их депортации»⁴⁹.

Не говоря уже о том, что упомянутое Бартцем заявление Гуттерера весьма сомнительно, ему полностью противоречит целый ряд других высказываний и оценок. Когда тот же Бартц спросил об этом начальника отдела пропаганды ОКВ полковника Мартина (это было уже после войны), тот заявил, что не может припомнить такого случая. Не смогла это сделать и его секретарша, отличавшаяся очень хорошей памятью⁵⁰. Несостоятельность обвинения, выдвинутого

⁴⁷ Сообщения, полученные автором от полковников в отставке Лутце и Лундинга.

⁴⁸ Bartz K. Die Tragedie der Deutschen Abwehr, Salzburg 1955, S. 105ff. Книга Бартца подробно проанализирована в работе: Buchheit G. Soldatentum und Rebellion, Rastatt 1961, S. 481ff. Anm. 72.

⁴⁹ Bartz, a. a. O. S. 105ff.

⁵⁰ Из письма полковника в отставке Мартина Карлу Бартцу. Фотокопия в распоряжении автора.

Бартцем, отмечает и начальник группы абвер-III С полковник Мартини. На наш вопрос он ответил, что «обвинения Барнца, будто Канарис был изобретателем нашивок с еврейской звездой, целиком взяты с потолка»⁵¹. Подтвердил это и возвратившийся в 1957 г. из русского плена начальник абвера-III генерал-лейтенант фон Бентивеньи, сказавший, что «этого не могло произойти без того, чтобы я об этом не знал». Бывший абверовец капитан Билль Гроссе после войны серьезно занялся этим вопросом и сумел установить следующее: Канарис задолго до войны был убежден, что нужно как-то воспрепятствовать бессмысленной травле евреев и погромам какими-то предупредительными мерами, в частности – созданием какого-то образования на территории одной из колониальных стран. Тогда можно было бы обращаться с евреями, проживающими в Германии, как с иностранцами со всеми вытекающими отсюда последствиями. Тогда, имея на себе какой-то отличительный знак (нашивку, значок и т. п.), они были бы легитимизированы как представители другого государства. «Это избавило бы немецкий народ от позорного клейма жесточайшего антисемитизма»⁵².

Вслед за этим предлагаем любопытное свидетельство бывшего начальника венгерской тайной службы генерал-полковника в отставке Хеньей: «Вследствие политических и военных союзнических отношений между Венгрией и Германским рейхом тесное сотрудничество сложилось и у обеих разведывательных организаций, которое можно назвать идеальным и за которое нужно благодарить прежде всего адмирала Канариса. Уже вскоре после вступления на пост он восстановил со мной личный контакт, существовавший при Патциге. В ходе наших многочисленных бесед и встреч в Берлине и Будапеште эти добрые отношения переросли в дружеские. Канарис был крайне молчаливым и спокойным человеком, можно даже сказать – скупым на слова. Его дух был обращен как бы вовнутрь. Техникой разведслужбы он владел мастерски, не хуже разбирался и в больших проблемах мировой политики, особенно касающихся Востока... Интерес разведчика ко всему, что происходило в Советском Союзе, позволял Канарису детально отслеживать положение во всех странах Восточной и Юго-Восточной Европы... Между нами не существовало никаких тайн. Мы открыто обсуждали все вопросы, обменивались секретнейшими материалами и тесно сотрудничали в области разбивки кодов и дешифрирования... В условиях особого положения Венгрии, находящейся в центре Дунайского бассейна и окруженной со всех сторон государствами «Малой Антанты», мы были вынуждены вести активную совместную и достаточно глубокую разведывательную деятельность».

Далее Хеньей описывает одну из своих встреч с Канарисом, который только что побывал на аудиенции у Гитлера: «Он был глубоко взволнован, потому что Гитлер совершенно неверно оценивал положение Советского Союза. Адмирал напрасно указывал ему на потенциальную мощь СССР. Гитлер стоял на своем, утверждая, что уже первый удар приведет Россию к краху. Канарис сказал мне тогда, что, по-видимому, он поступил неумно, открыто отстаивая свою точку зрения перед Гитлером. Канарис, по его словам, сослался и на мнение венгров, совпадавшее с его собственным, и подчеркнул, что Венгрия, являясь соседкой России, ведет интенсивную разведку и очень хорошо информирована о тамошней ситуации... Когда я в конце 1939 г. встретился с Канарисом, я спросил его, как он оценивает обстановку. К моему большому удивлению, его ответ был таким: «Войну мы уже проиграли». И пояснил это так. Победа над Польшей – это лишь частичный успех, и война еще долго не будет закончена. Вместе с Францией и Англией в нее вступят США, а против такой коалиции Германия не устоит... Все венгры, знавшие адмирала Канариса, – от регента Хорти до каждого, с кем ему приходилось иметь дело, высоко ценили его и сохранили о нем добрую память»⁵³.

⁵¹ Сообщение полковника в отставке Мартини автору.

⁵² По записям доктора Вилли Гроссе, переданным автору.

⁵³ Сообщение генерал-полковника в отставке Хеньей автору.

Любопытна также характеристика, которую дал Канарису небезызвестный эсэсовец Отто Скорцени. «Канарис был, вероятно, самым трудным партнером на переговорах, с каким я когда-либо встречался. Он показался мне абсолютно непроницаемым. Возможно, он единственно правильный образец разведчика. Интеллект буквально струился у него из глаз, но понять его до конца было невозможно... Ни одного «да», ни одного «нет»; ни черного, ни белого – только одни нюансы. В конечном счете он ни с чем не согласился и при этом, вероятно, добился, чего хотел»⁵⁴.

В противовес Скорцени доктор Вернер Бест, бывший с 1935 по 1940 г. начальником III отдела гестапо, вспоминает совсем другое: «В серьезные моменты я не встречал партнера, который бы вел переговоры столь открыто и честно и давал свое согласие так охотно, как Канарис, несмотря на сложнейшие противоречия, существовавшие между нами. В служебных вопросах он был предельно корректен, и в его словах можно было не сомневаться»⁵⁵.

Эти заявления позволительно дополнить высказываниями нескольких ближайших сотрудников адмирала. «Воинское воспитание сформировало его, но не смогло нормировать, – пишет подполковник в отставке Прук. – Это был человек... с очень цепким умом и горячим сердцем. Он умел говорить воодушевленно. Его юмор чуть переступал грань сарказма. Удивительны были его способности к языкам... Однажды он выступал перед японцами с заранее подготовленной речью и заставил слушающих поверить, что он прекрасно владеет этим языком. Но на людях он держался всегда сдержанно и даже скромно. Ему было важнее выслушать мнение других, чем высказать свое»⁵⁶.

А вот совсем другое мнение. Оно принадлежит ближайшему сотруднику адмирала полковнику Отто Вагнеру: «Канариса часто считали пронырой, ловкачом, хитрецом и называли «левантинцем». Мы знаем, подобные прозвища рождаются в атмосфере офицерской столовой. Чаще всего эти эпитеты придумываются с целью вышучивания... И применительно к Вильгельму Канарису для этого были все основания: в складках его многослойной души постоянно таилось остроумие. Он мог дурачиться, как подросток, и делал это довольно часто. Он мог скорчить гримасу так, что у людей в военной форме на лицах замерзала улыбка... Но все эти настроения проявлялись в условиях удручающего развития обстановки и смотрелись как гротеск»⁵⁷.

Собранные здесь оценки Канариса разными людьми при всем их стремлении быть объективными отражают в первую очередь субъективные личные взгляды. До нас дошло также и много анекдотов об этом своеобразном человеке, которые, возможно, расскажут нам больше, чем любой психологический анализ. Но прежде чем мы приведем эти краткие сюжеты, хотелось бы заглянуть в рабочий кабинет Канариса на Тирпицштрассе, 74–76, в Берлине. В помещении средних размеров стояла лишь самая необходимая мебель, в основном старомодная, что сразу бросалось в глаза. В одном углу был стальной сейф, у стены – походная кровать, на которой он обычно отдыхал после обеда. На стенах висели карты и несколько фотографий и среди них большой портрет генерала Франко с дарственной надписью; рядом красовался японский ландшафт – подарок японского посла Одзимы и портреты бывших шефов германской тайной службы. На каминной полке стоял в рамке снимок умершей жесткошерстной таксы по кличке Зеппль. Центральное место кабинета занимал письменный стол. На нем стояла миниатюрная модель крейсера «Дрезден» как воспоминание о морских сражениях. Рядом с ней лежала небольшая каменная пластина, на которой располагалась оригинальная бронзовая скульптурная группа: три обезьянки, одна из которых держит лапу у уха, как бы напря-

---

⁵⁴ Skorzeny J. Geheimkommando Skorzeny, Hamburg 1950, S. 91f.

⁵⁵ Из неопубликованного манускрипта доктора Вернера Беста.

⁵⁶ Pruck E. Der Abwehrchef. Versuch einer Entmythologisierung, in: Notweg 7, 1954.

⁵⁷ Сообщение полковника в отставке Отто Вагнера автору.

женно вслушиваясь, вторая внимательно смотрит вдаль, держа лапу над глазами козырьком, а третья прикрывает лапой рот. Это должно было означать, что сотрудники тайной службы должны держать открытыми глаза и уши, но при этом уметь молчать. Позади рабочего места находился стол с множеством новых книг. Канарис был ненасытным чтецом. Литература в его квартире охватывала почти все области духовной жизни, политики, жизни других стран. Было много и беллетристики... К этому следует добавить, что адмирал был всегда исключительно скромнен в запросах и в стиле жизни, никогда не имел дополнительных доходов. Когда в 1936 г. он покупал небольшой домик в Шлахтензее, его супруге пришлось продать свою драгоценную скрипку: иначе денег на покупку собственного дома им бы не хватило.

Что же касается историй, которые рассказывают о нем, то они отнюдь не выдуманы и весьма любопытны.

Однажды шеф абвера ехал с полковником Пикенброком в открытой машине из Северной Испании в Мадрид. Это было в самом начале войны. И вот на дороге им встретилось большое стадо овец. Адмирал поднялся с сиденья и отдал честь. «Что такое, ваше превосходительство?» – удивленно спросил Пикенброк. А Канарис совершенно серьезно ответил: «Никогда не знаешь, не прячется ли в этом стаде какое-нибудь важное начальство». Ему всегда было трудно оставаться серьезным в присутствии какого-либо большого партийного начальства или среди чересчур убежденных нацистов. Поэтому он часто прибегал к тактике скрытой иронии. Когда однажды обергруппенфюрер СС Лоренц посетил Канариса на Тирпицштрассе, чтобы осведомиться о текущей военной обстановке, Канарис широким жестом указал на висевшую на стене карту мира и сказал: «Обстановка вся перед вами и говорит сама за себя!» Лоренц вытаращил глаза, потом задумался, не зная, как понять эти слова. Но Канарис успокоительно добавил: «Но... ведь у нас есть фюрер». В другой раз к нему явился моложавый, увенчанный Рыцарским крестом с дубовыми листьями и мечами авиационный генерал. Разговор зашел о начавшейся «Битве за Англию», и генерал высказал убеждение, что Англия уже через 4–6 недель «падет на колени» под сокрушительными ударами люфтваффе (авиации). Канарис запротестовал: «Нет, нет! Говорят, что фюрер отвел на это всего две недели». А затем, сделав строгое лицо, добавил: «А фюрер всегда прав!» Молодой вояка с живостью подтвердил это и быстро откланялся. Когда дверь за ним закрылась, Канарис пробормотал: «Балда с дубовыми листьями и мечами».

Полковник Вагнер, вспоминая о многих встречах со своим начальником и другом, рассказывает: «Когда Канарис посещал меня во время инспекционных поездок в моем доме на окраине Софии в Болгарии, он полностью расслаблялся. Он любил здесь готовить еду на маленькой кухне, ходил за покупками, копался в саду, играл с собаками, долго спал и всякий раз уезжал отдохнувшим... Однажды он меня спросил, что я буду делать после войны. Я ответил, что больше служить не собираюсь, а хотел бы поселиться на Балканах. Он воодушевился: «Давай откроем в порту Пирея маленькое кафе. Я буду варить кофе, а ты обслуживать клиентов!» На что я ответил: «Нет, я буду бандитом». В другой раз он спросил, есть ли у меня друг, которому я могу доверять полностью. «Да, есть. Но ведь друг не тот, кто объявляет себя таким». Он хитро взглянул на меня: «А как мы относимся друг к другу?» «Господину адмиралу я доверяю целиком и полностью. Сомнений в этом быть не может!» – ответил я. «Но ты не всегда со мной согласен, а?» – «Конечно. Но к доверию это не относится». Мы выпили, и он ушел спать. «Бедняга, – подумал я тогда. – Как ужасно ты одинок, и в этом тебе не поможет никто!»⁵⁸

Проливают ли свет анекдоты на сущность человека? Возможно. Но уважение к человеку вызывают не только личностные черты, но и деловые способности. Кто когда-нибудь присутствовал у Седого на регулярных совещаниях узкого состава, посвященных анализу обстановки (так называемых «малых колоннах») или на общих совещаниях управления, как и на инспек-

⁵⁸ Из письма полковника О. Вагнера автору.

ционных разборах, воспринимал их как некую искусную «режиссуру», а не как получение приказов или слушание докладов. Адмирал как то очень нервически, но вполне обдуманно, повышая тон лишь для того, чтобы что то особо подчеркнуть, всегда тщательно подбирая слова. Но большей частью любил слушать других. При этом он, казалось, дремал. Но внезапно пробуждался и вставлял чаще всего ироническое замечание, причем так, что у докладчика ломалась вся его концепция. «Короче, короче!» Эти слова беспрерывно прерывали доклады: Канарис не терпел словоизлияний. «Сочетание непрозрачности, хитрости и ума представлялось его противникам еще большим коварством, чем у любого из представителей высшего командования вермахта»⁵⁹.

Но порой Канарис допускал такие эскапады, которые вряд ли мог объяснить и сам. Так, летом 1939 г. готовилась к изданию обширная публикация «Вермахт и партия». В ней приняли участие некоторые видные военные, в том числе и адмирал Канарис. Разумеется, от него потребовали участия, и отказаться от этого было нельзя, не рискуя попасть в немилость. Однако он переборщил – в плохом или хорошем. У него получился столь напыщенный продукт византизма, искаживший истинное положение вещей, что вполне резонно вставал вопрос, зачем Канарису столь громко стучать в нацистский барабан. Ведь он мог написать что-то более серьезное и солидное, как это сделали многие другие авторы, проявившие известную сдержанность в отношении режима. Все написанное совершенно не соответствовало обычному стилю адмирала. Судите сами: «Германский вермахт существует для реализации ничем не извращенных идей фюрера... Когда великий курфюрст Бранденбурга сделал из кучки ландскнехтов, оставшихся после 30 летней войны не у дел, непосредственных служителей князя и государства... эти наемники превратились в офицеров, понятие добычи сменилось понятием чести, произвол уступил место долгу, заслуга – служению. Это было в глубочайшем смысле национал-социалистическое решение»⁶⁰.

Мысль о великом курфюрсте была заимствована у профессора Ганса Дельбрюка⁶¹. Однако то, как Канарис перевел ее на нацистский язык, наводит на мысль, что адмирал, вероятно, хотел таким завуалированным способом высмеять нацистский режим или просто развеселить тех, кто будет читать эту книгу. Ну как иначе объяснить такие строки: «Стало быть, фронтовые солдаты мировой войны оказались поистине первыми национал-социалистами... Вермахт превратился в инструмент национал-социалистического волевого воспитания людей». Далее шли пассажи о необходимости отделить вермахт от парамилитаристских национал-социалистических формирований, чего, как подчеркнул Канарис, «добивается сам фюрер». И тут же говорится о том, что «нужно тесно сотрудничать с национал-социалистическим движением, что «создатель национал-социализма и наш Верховный главнокомандующий всегда остается солдатом... И, чем глубже мы ознакомимся с его мировоззрением, тем отчетливее поймем, что оно действительно является солдатским мировоззрением и мышлением... Мы достигнем цели и выполним свои задачи, если будем твердо верить в свою миссию солдата, как верит в победу партии наш фюрер и Верховный главнокомандующий»⁶².

Можно предположить, что этими формулами Канарис намеревался припугнуть офицеров-ненацистов и отбить у них охоту критиковать порядки. Но, зная особый склад характера адмирала и его истинное отношение к нацизму и его системе, а также учитывая, что он не мог отказаться выполнить поручение, можно прийти к выводу, что здесь речь шла о весьма смелой мистификации. Такое объяснение станет еще очевиднее, если вспомнить об одном весьма

⁵⁹ Wehrmacht und Partei, Hrsg. von R. Donnerwest, Leipzig 1938, S. 44ff.

⁶⁰ Ebenda, S. 47.

⁶¹ Дельбрюк, Ганс Готлиб (1848 – 1929) – германский военный историк. Автор «Истории военного искусства в рамках политической истории» (в 7 томах), написанной в духе воинствующего национализма и эклектической по содержанию. – *Прим. перев.*

⁶² Wehrmacht und Partei, a. a. O. S. 55.

характерном примере. Через несколько недель после оккупации Австрии, 12 апреля 1938 г., адмирал Канарис выступил с докладом перед офицерами абвера в Вене. Этот доклад был безупречен с нацистской точки зрения. В нем между прочим говорилось: «В разных странах о Германии бытуют мнения, согласно которым наш офицер якобы деградировал до уровня простого военного ремесленника. Этот плод высокомерного и неполноценного интеллекта предполагает, будто офицер может ограничить себя чисто военной сферой, только тактическим руководством и совершенствованием методов применения оружия, тогда как воспитание и мировоззрение можно свалить на политического комиссара. В красных армиях Испании и России именно это мировоззрение насаждается неукоснительно и с особой силой. О результатах говорить не имеет смысла. Однако в Германии, где большевизм тоже порезвился, дело не дошло до разрушения морали и дисциплины. И если сегодня вы столкнетесь с подобными взглядами и требованиями, действуйте безжалостно. Те, кого вы на этом поймаете, и есть откровенные или замаскированные большевики»⁶³. В утвержденном партийными верхами варианте доклада последние слова, начиная с «О результатах...», отсутствовали. Это было, конечно, закодированное выступление с вполне очевидными намерениями.

Кто умел слушать и не был ослеплен режимом, должны были понять и понимали, на какое опасное развитие вермахта указывал Канарис. Он хотел предостеречь от этого, но в тогдашних условиях его предупреждение, выраженное эзоповым языком, не дало результата. Введение должности национал-социалистического оперативного офицера (нечто похожее на политкомиссара в Советской армии) во второй половине войны свидетельствовало о принятии вермахтом именно такого направления по воле Гитлера и Гиммлера. И оно должно было сохраниться до тех пор, пока после «окончательной победы» сам вермахт не будет превращен в войска СС.

То, что в течение почти 10 лет удерживало рядом диктатора и начальника абвера, было истинным «браком по расчету». Это обуславливалось тем, что Гитлер поначалу испытывал известную симпатию к прошедшему всю мировую войну морскому офицеру, овеванному к тому же славой Одиссея, и даже уважал его за неординарный интеллект. В то же время и шеф абвера научился искусно обращаться с Гитлером и даже в течение долгого времени оказывать на него определенное влияние. Чтобы как то «изогнуть» становившиеся иногда опасными или сомнительными планы диктатора, Канарис использовал три метода: он либо затягивал дело в надежде, что о нем забудут, либо пытался противопоставить ходу мыслей диктатора какие-то контраргументы, либо делал вид, что выполняет все порученное, но на самом деле не шевелил и пальцем. Даже когда у легковозбудимого диктатора наступали приступы ярости, а фельдмаршал Кейтель бледнел и присутствовавшие военные молчаливо топтались в страхе, Канарис спокойно выжидал момент спада гнева и чуть приглушенным голосом начинал разговор, переводя его на другую тему. И что же? В большинстве случаев буря, к удивлению всех, постепенно затихала.

Однако этот «брак по расчету» не мог быть продолжительным. Чем больше диктатор убеждался в своей абсолютной гениальности, недоступной всем другим государственным деятелям и военачальникам, тем меньше он считался с мнением советников. Уже в 1938 г. Канарис жаловался, что не может обращаться непосредственно к Гитлеру. «Если бы Кейтель допустил меня до него, – воскликнул он однажды в узком кругу своих помощников, – я бы сумел с ним столкнуться»⁶⁴. Лишь в крайне неотложных или неизбежных случаях удавалось ему добиться личного разговора с Гитлером, да и то неизменной «тенью» при этом были либо Кейтель, либо кто-то еще из сановников Третьего рейха. В конечном счете шефу абвера ничего не оставалось, как высказывать свои выводы по обстановке только перед офицерами своего управления.

⁶³ Из доклада доктора Краусника в Вене на Международном конгрессе по проблемам современной истории, состоявшемся 27–28.11.1959 г.; in: Stationen der deutschen Geschichte 1919–1945, Stuttgart 1962.

⁶⁴ Abshagen K. H. Canaris: Patriot und Weltbuerger, Stuttgart 1949.

Как начальник тайной военной службы он имел возможность больше, чем любой другой высший офицер, проникать в происходящее за кулисами Третьего рейха и во внешнем мире. Но именно это положение и эта возможность уже довольно рано поставили его перед роковым вопросом, должен ли он совершить сделку с совестью и стать подручным у того режима, который допускал и даже творил преступления, или поступить по совести и уйти с этого поста. Что было ему делать? Мог ли он покинуть свое ключевое положение как главы военной разведки и контрразведки в условиях, когда он не был уверен, что любой его преемник будет защищать эту службу от притязаний СД и гестапо? И не был ли он обязан и дальше обеспечивать защиту своим офицерам, особенно тем, кто вместе с ним вел навязанную борьбу против СС и СД? Может быть, и стоило выдерживать все то горькое и неблагоприятное, с чем сталкивался абвер, ради Германии, однако в нормальных условиях он вряд ли стал бы это делать. Иными словами, Вильгельм Канарис все очевиднее вступал в конфликт между совестью и долгом и не видел из него реального выхода. И, оставаясь на своем посту, он чувствовал ответственность перед отечеством и даже перед человечеством и выполнял свои обязанности, несмотря на тяжелейшие душевные тяготы, до самой последней минуты.

Глава 6

Строительство и деятельность абвера. 1935–1939 гг.

После того как Гитлер стал «фюрером и рейхсканцлером», а затем и Верховным главнокомандующим рейхсвера, он начал почти беспрепятственно ликвидировать последствия условий Версальского договора и восстанавливать военный потенциал Германии. Неограниченные возможности, полученные в результате таких первых успешных, хотя и весьма опасных, мероприятий, как оккупация демилитаризованной Рейнской области и восстановление всеобщей воинской повинности, оказались полезными и для абвера. То, что в годы Веймарской республики допускалось с трудом и должно было совершаться в тайне, теперь можно было делать совершенно открыто и даже публично. Это исполнение желаний, жизненно важных для абвера и рейхсвера в целом, конечно, повсюду в стране встречалось с восторгом. Да и как могло быть иначе? Но в то же время (и это стало понятно только с течением времени) Гитлер начал создавать весьма нечеткие организационные условия в вооруженных силах с определенной целью, а именно – не допустить чрезмерной концентрации власти и силы в одних руках. Это имело следствием непрекращающуюся борьбу вплоть до конца Второй мировой войны за свои полномочия между главными командованиями сухопутных войск (ОКХ), военно-воздушных сил (ОКЛ) и военно-морских сил (ОКМ), с одной стороны, и верховным командованием вермахта (ОКВ) – с другой.

Благоприятным исключением из этой странной и совершенно ненужной схватки за полномочия был абвер, потому что Канарис сумел взять в свои руки задачи разведки и контрразведки для всех видов вооруженных сил и включить их службы в свою, не вызвав при этом никаких серьезных противоречий с ними. То, что это удалось осуществить столь своевременно и гладко, никак нельзя отнести за счет того, что лишь очень немногие немецкие офицеры разбирались в этом деле, тогда как большинство не желало иметь с ним ничего общего в противоположность другим странам, например Англии и Франции, где подобная деятельность всегда рассматривалась как естественный долг перед своей страной⁶⁵.

Канарис упорно защищал завоеванные им позиции как от довольно слабых и разрозненных попыток со стороны видов вооруженных сил вести эту деятельность самостоятельно, так и от амбициозных притязаний гестапо и СД. Он как никто другой отлично понимал, сколь важное значение имела для Германии того времени слаженная и хорошо действующая тайная служба. Было ясно и то, что никакой другой ее начальник, даже столь же способный, не сможет добиться таких масштабных и серьезных результатов. Германскому абверу противостояли тайные службы великих держав с их огромным опытом и традициями, с их многочисленными перекрестными связями в рамках «Малой Антанты»⁶⁶ и в славянском мире. Уже одно только профессионально-техническое совершенствование этих служб до и во время Первой мировой войны сделало их вполне современными специальными ведомствами, и это отбросило зажатую тисками Версальского договора Германию более чем на десятилетие назад. Тем не менее и за это время она сумела добиться определенных успехов.

Серьезными противниками абвера в военном отношении во внешнем мире были:

1. Британская Интеллидженс Сервис (Ай-си) и прежде всего ее Сикрет Сервис (Си-си), а также Управление военной разведки (Эм-ай-ди), т. е. тайная служба военного министерства, в задачу которой входило наблюдение за вооружением, численностью и боевой подготовкой

---

⁶⁵ Из неопубликованного манускрипта вице-адмирала в отставке Бюркнера, стр. 4.

⁶⁶ «Малая Антанта» – в 1920–1938 гг., блок Чехословакии, Румынии и Югославии, являвшийся основным звеном в системе военно-политических союзов, поддерживаемых Францией как против Германии, так и против Советской России. – *Прим. ред.*

армий всех стран. В составе Эм-ай-ди действовала нагонявшая на всех страх служба Эм-ай-5, занимавшаяся внутренней контрразведкой. Наряду с этим против германского абвера действовали: разведка военно-морских сил (Эн-ай-ди) со спецотделом контрразведки на флоте, чьей задачей было обеспечение безопасности британского флота, а также разведывательная служба метрополии, игравшая роль политической полиции Англии и примыкавшая к Скотленд-Ярду; она решала задачи внешней контрразведки. К этому следует добавить и разведуправление министерства по делам колоний, обеспечивавшее безопасность всех британских колоний. Военная разведка в Англии была тесно связана с отдельными видами вооруженных сил, которые выделяют для нее и отдельных руководителей. В годы Второй мировой войны англичане создали организацию особого назначения, так называемое «Управление специальных операций» (УСО) для проведения агентурных, диверсионных акций и действий отрядов «командос»; оно занималось также поддержкой движения Сопротивления в захваченных немецкими войсками областях.

2. Тайная служба США – Управление стратегических служб (УСС), созданное генералом Вильямом Донованом, превратившееся впоследствии в Центральное разведывательное управление (ЦРУ) и соответствующее нынешней германской Федеральной разведывательной службе (БНД). Европейский центр во главе с Алленом Даллесом располагался в Берне. Деятельность УСС распространялась на политические и экономические объекты и на выявление настроений среди германского населения; в его задачи входило также стимулирование роста антифашизма в Германии. В ходе войны из Берна осуществлялись агентурные акции и мероприятия по деморализации германского населения и армии. Позже к этому добавились меры, проводившиеся Федеральным бюро расследований США (ФБР), политической полицией и контрразведкой.

3. Второе бюро французского генерального штаба и Управление безопасности («Секюритэ»), политическая полиция, а также Управление наблюдения за территорией (СТ), отвечавшее за охрану и безопасность страны.

4. Советская тайная служба со всеми своими органами, которая во время войны часто подвергалась реорганизации. В нее входили: Главное разведывательное управление Народного комиссариата обороны (НКО) СССР (ГРУ), которое занималось военной разведкой; Главное управление государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел (ГУГБ НКВД), отвечавшее за все ветви советской тайной службы и контролировавшее все другие разведывательные органы (его можно сравнить с Имперским Главным Управлением Безопасности (РСХА) в Германии). В 1938–1939 гг. ГУГБ было выведено из состава НКВД и преобразовано в самостоятельный наркомат государственной безопасности (НКГБ), который стал всеобщим центральным аппаратом советских тайных служб. Задачи контрразведки в Красной Армии решались особыми отделами НКВД совместно с приданными им войсковыми частями и подразделениями особого назначения. Во время войны был также создан еще один орган контрразведки, так называемый «СМЕРШ» («Смерть шпионам»), который действовал преимущественно в войсках и партизанских отрядах, а в ходе продвижения советских войск по освобождаемым областям прочесывал их в поисках шпионов и коллаборационистов.⁶⁷

Наряду с этими тайными службами, постоянно атаковавшими территории под властью Германии из-за рубежа, с 1940 г. большие хлопоты германскому абверу начали доставлять польская и чешская тайные службы, а также невоенные разведки Бельгии и тайные органы французского и голландского Сопротивления. Массовая поддержка со стороны местного населения, иностранных рабочих и забрасываемых с парашютом агентов и инструкторов позволила всем этим службам добиться немалых успехов еще до вторжения западных союзников в 1944

⁶⁷ Неточность. ГУГБ было выведено из состава НКВД и преобразовано в НКГБ 3 февраля 1941 г. НКГБ был объединен с НКВД после начала войны 20 июля 1941 г. НКГБ вновь образован 14 апреля 1943 г. Органы «СМЕРШ» созданы в апреле 1943 г. (Прим. ред.)

г. Тайная служба деголлевцев, созданная в Лондоне после разгрома Франции в 1940 г., проявила себя лишь незначительно. Почти неизменно побочной функцией движения Сопротивления повсюду в Скандинавии и России, на Балканах, а потом и в Италии являлся шпионаж, который осуществлялся без какого-либо единого плана и координации⁶⁸.

Как опытный и много повидавший морской офицер, уже столкнувшийся на практике с превратностями тайной службы, Канарис сразу же понял, что служба военной разведки в том виде, в каком он ее принял, требует серьезного реформирования. Он убедился и в том, что в сравнении с мощными тайными службами Англии, Франции и Советского Союза она располагает слишком малочисленным личным составом. Необходимо было в первую очередь привлечь в нее свежие силы и добиться гораздо больших финансовых ассигнований, чем обычно. Всеобщая мобилизация и перевооружение Германии, а также быстрое расширение материальной и кадровой базы трех видов вооруженных сил, разумеется, целиком соответствовали устремлениям начальника абвера. Однако, прежде чем предпринимать какие-либо перегруппировки и перестройки, нужно было принципиально решить, следовало ли сохранить существовавшую преимущественно централизованную систему или, принимая во внимание потребности, связанные с организационным и профессиональным совершенствованием структуры тайной службы, децентрализовать абвер. Строгая централизация тайной службы, как она рисовалась в условиях авторитарно-тоталитарного режима Гитлера (впоследствии, в самом конце войны, она реализовалась в виде разведслужбы в рамках РСХА), конечно, обеспечивала бы ее единообразное применение и полное использование технических, кадровых и финансовых возможностей. Однако такая структура ведет к ее неизбежному окостенению, а чем больше она разрастается, тем меньшую готовность принимать самостоятельные решения проявляют нижестоящие органы. Иными словами, усиливается бюрократизация, а в тоталитарных государствах это ведет к недостаточной требовательности в исполнении приказов. В то же время децентрализованный аппарат работает гораздо быстрее, гибче и действеннее, хорошо приспособляясь к обстановке и требуя инициативы от каждого. Однако такой аппарат более дорогостоящ и в гораздо большей мере зависит от надежности и профессиональной пригодности сотрудников самостоятельно действующих подчиненных органов.

Была выбрана широкая децентрализация, хотя такая реформа требовала времени, а время работало на конкурентов абвера, т. е. на СД. Однако в условиях, когда Гиммлер и Гейдрих использовали свои силовые средства и методы достаточно массированно, недостатки децентрализации проявились в виде уступчивости и даже боязни отдельных самостоятельных отделений (центров абвера) в своих районах перед партийными органами и СД, часто допускавшими неоправданное вмешательство в их деятельность. Все это осложнялось еще и тем, что курс на децентрализацию был взят еще при капитане I ранга Патциге, и перекладывать руль в обратную сторону было бы нецелесообразно.

Канарис в принципе не был хорошим организатором. Ему при всей его аккуратности и четкости претили проблемы расчетливой рациональной расстановки кадров и профессионального их тестирования, систематизации успехов и неудач, как и генштабистская пунктуальность. Он всецело передоверял организационно-штабную работу своим, к счастью, очень способным начальникам отделов, а сам отдавался задумыванию широких и сложных импровизаций, которые ввиду лихорадочно осуществляемой программы перевооружения часто оказывались бющими мимо цели.

Берлинский центр абвера в ходе войны серьезно разросся, следствием чего неизбежно стало ухудшение качества личного состава. Сильное раздувание штатов наблюдалось также и во внешних отделениях абвера на местах. Многие неудачи, а зачастую и просто непредска-

---

⁶⁸ Erasmus. Der geheime Nachrichtendienst, Goettingen 1952, S. 17f; об этом же говорят и отчеты офицеров абвера, действовавших в России.

зубые последствия многочисленных интриг вокруг военной разведки и ее сотрудников становятся понятными только в свете чересчур поспешного строительства абвера, выросшего из небольшой профессиональной ячейки. Это касается прежде всего таких сфер деятельности, как, например, основательное и как можно более точное выявление военного и военно-промышленного потенциала противника, что могло бы позже стать серьезным предупредительным аргументом против порожденных манией величия амбиций Гитлера. Перманентный внутригерманский конфликт между вермахтом и нацистской партией вел к тому, что как раз указанные задачи и не могли выполняться в полном объеме. Решавшие их и отвечавшие за это офицеры абвера были изнурены этой борьбой или вовсе вытеснены со своих мест. Несмотря на это, организация тайной германской разведывательной и контрразведывательной службы была в своей основе достаточно жизнеспособной, в силу чего ей удалось добиться успехов, которые могут быть увековечены историей.

Своим превращением в современную тайную службу германская военная разведка обязана Канарису. Он вел ее дела твердой рукой. При этом основные его интересы были связаны с военной разведкой и контрразведкой, тогда как задачи внешней разведки, решаемые отделением «Аусланд», его беспокоили в меньшей степени. Несмотря на огромный объем работы, он с удовольствием координировал деятельность трех отделений абвера – абвер-I, абвер-II и абвер-III, – а также их внешних опорных пунктов (станций) в стране и за рубежом. К сожалению, при этом у него не хватало умения делегировать им ответственность. Нередко он оставлял за собой задачу принятия малозначащих решений, что, конечно, несло с собой дополнительную нагрузку и неизбежно усиливало беспокойство. Во время многочисленных поездок Канарис руководил делами с помощью постоянной телефонной и радиосвязи. В его отсутствие непосредственное руководство управлением в центре осуществлял обычно старший по званию начальник одного из отделов. Как правило, это был начальник отделения (отдела) «Аусланд» («Заграница»). В вопросах компетенции того или иного отдела абвера его замещал соответствующий начальник отдела. Этот метод позволял адмиралу иметь общий обзор деятельности управления. В то же время из-за такой чрезмерной загруженности начальника в работе нередко возникали неполадки. В противовес этому морально-этическое состояние личного состава абвера всегда было на большой высоте. Руководство следило за этим неукоснительно, что и определяло в значительной мере общий стиль борьбы на тайном фронте. Растрата казенных денег, воровство – даже в тех случаях, когда это маскировалось в оккупированных областях как конфискация, – а также вымогательство и преступления против нравственности незамедлительно карались по приговору военно-полевого суда. При совершении сотрудниками уголовных преступлений, в особенности с применением насилия, шеф абвера был беспощаден вплоть до крайних мер. Однако, в отличие от тайных служб других государств, сотрудники германского абвера, плохо или вовсе не присылавшие донесений, никогда не подвергались нажиму или угрозам с целью заставить их информировать руководство о своей деятельности. На то была серьезная причина: ведь если разведчик испытывает такое принуждение, он может передать в центр все, что угодно, выдать что-то, ему известное, противнику или вовсе перейти к нему на службу. Практика принуждения агентов, конечно, повредила бы абверу, так как он потерял бы свою репутацию службы, всегда и везде защищающей своих людей.

В целом поведение и моральный уровень сотрудников германского абвера были неизменно выше средних норм, фиксируемых международным правом. Это было признано и Нюрнбергским международным военным трибуналом. Великодушные Канариса и его заступничество в отношении своих подчиненных, как явствует из рассказов многих бывших вражеских агентов⁶⁹, далеко превосходили все то, что было свойственно тайным службам противостоящих стран. Однако при достаточно высокой морали и нравственности кадров абвера мето-

⁶⁹ Из записок доктора Вилли Гросса.

дика и интенсивность подготовки агентов и планирования тайных операций в абвере оставляли желать лучшего в сравнении с разведками англичан и русских. Но это сказано отнюдь не в упрек Канарису: это следствие бессмысленной политики Гитлера в строительстве вермахта, полностью противоречившей предупреждениям немецкого генералитета.

Кто не знал Канариса близко, мог удивляться тому, с какой энергией и упорством он всегда сразу же брался за решение постоянно растущих задач. «Там, где речь шла о важном и где он должен был действовать сам, Канарис внезапно выходил из своего обычного состояния отстраненности и мог весьма настойчиво и в то же время искусно преследовать поставленные перед собой цели»⁷⁰. Любопытно при этом то, что присущий ему темп работы далеко не всегда оказывался понятен его сотрудникам. Было очень много случаев, когда «старик», внезапно появляясь где-нибудь, оставлял после себя хаотическое замешательство, выходившее из которого его офицерам приходилось самостоятельно и не всегда легко. Зато потом вдруг обнаруживалась общая линия, показывавшая, как далеко и широко видел проблему этот редкостный человек и как он умел осуществлять разнообразнейшие комбинации.

Даже общая служебная атмосфера в абвере в значительной мере определялась Канарисом. Для поддержания престижа и роли абвера в условиях Третьего рейха кадровая политика имела такое же значение, как и чисто профессиональная деятельность. Как правило, радикально настроенные нацисты сюда изначально не допускались либо же вынуждены были вскоре уйти, предлогом и поводом к чему Канарису служил официальный запрет служащим вермахта заниматься политической деятельностью, а позднее адмирал вообще ввел негласно «закон», запрещавший в абвере какой-либо произвол или насилие. В абвере не было – если не считать некоторых формирований, типа полка/дивизии «Бранденбург», действовавших на фронте, – молодых и неопытных в жизни отчаянных сорвиголов, какие часто встречались в СД. Политическая линия в этом была единой и в целом отвечала прежде всего именно этому критерию. Такой подбор личного состава способствовал тому, что на профессиональную пригодность не всегда обращали должное внимание. Однако, несмотря на этот недостаток и на многие превратности в работе, весь сложный аппарат абвера выполнял свои военные задачи без внутренних трений и вполне успешно. Можно с полным правом утверждать, что служившие в абвере офицеры по своим человеческим качествам и духовному уровню стояли за немногими исключениями гораздо выше среднего уровня. Большой процент офицеров в абвере составляли те люди, которые после Первой мировой войны вынуждены были уйти с военной службы. Они уехали за границу и долго работали там в промышленности и экономике, приобретая опыт и такие знания об этих странах, которые можно было использовать в интересах абвера после его реактивации. Во многих случаях они возвращались на родину, и после основательной переподготовки их восстанавливали в кадрах и снова направляли в изученные ими страны с целью создать там свои опорные пункты и собирать новые сведения с учетом требований разведки.

Принимая во внимание обстановку постоянной напряженности, обусловленную не в последнюю очередь внутренней политикой Гитлера, руководству абвера было непросто в столь короткие сроки: 1) поставить свою организацию на прочный фундамент; 2) подобрать офицеров, способных решать специфические задачи разведки, – и обучить их методам работы в их области; 3) утвердить в своем аппарате принципы моральной чистоты и гуманизма. Сделать все сказанное одним разом было крайне трудно, если учесть заданный Гитлером темп перевооружения, вынуждавший все виды вооруженных сил и, конечно, абвер во многом прибегать к импровизациям. Для тайной военной разведслужбы это было вдвойне пагубно, так как у нее не было такого прошлого, как, например, у британской Интеллидженс Сервис, сложившейся еще в XIV в., или у Второго бюро французского генерального штаба, созданного в 1875 г. Даже часто упоминаемое имя полковника Вальтера Николаи не несло с собой никакой традиции. И

---

⁷⁰ Reile O. Geheime Westfront, Muenchen – Wels 1961, S. 174.

только в сфере военного контршпионажа можно было говорить об известном «историческом прошлом». Начиная с 1870 х гг. эта сфера находилась в руках политической полиции. Тогда наряду с успешно действовавшей внешнеполитической разведслужбой некто Вильгельм Штибер, долгие годы бывший при Бисмарке начальником политической полиции, построил еще и довольно боевитую организацию контршпионажа (контрразведки). Канцлер Бисмарк развивал этот институт тем активнее, чем больше офицерский корпус отстранялся от наступательного и оборонительного шпионажа. В то время в военной тайной службе существовала только одна область, которую признавали в армии и которая ограничивалась немногими инстанциями, в частности – военными атташе. Они докладывали о своих наблюдениях за военными мероприятиями через генеральный штаб министерству внешних сношений. Официально военные атташе не имели никакого отношения к шпионажу, по крайней мере в мирное время. Им ни в коем случае не разрешались личные контакты с агентами. Но, разумеется, в задачах, ставившихся им в обход их прямых начальников – послов или посланников, от официальных военных наблюдений до скрытой разведки был всего лишь один шаг.

К большому недовольству руководства абвера, германские атташе видов вооруженных сил, как они стали именоваться в Третьем рейхе, практически выпадали из системы сбора разведывательных данных. Перед Первой мировой войной и в ходе нее некоторые германские военные и военно-морские атташе в системе министерства внешних сношений вызвали к себе у кайзера серьезную недоброжелательность, поскольку высказываемые ими взгляды на те или иные внешнеполитические моменты не совпадали с оценками посольств германского рейха. Поэтому имперское министерство иностранных дел изъявило готовность вновь ввести в своих представительствах аппарат военных атташе только при условии, что они, во-первых, все свои доклады будут направлять своим видам вооруженных сил не иначе как через послов или их заместителей и, во-вторых, не будут заниматься какой-либо разведывательной деятельностью с привлечением платных агентов или кого-то в этом роде. Первое условие удавалось довольно часто обходить с помощью частных писем и устных докладов во время отпусков или поездок на родину. Второе соблюдалось неукоснительно.

Как и во всех тайных службах, главным направлением работы абвера в мирное время была разведывательная деятельность в рамках отделения (в дальнейшем отдела) абвер-I. Когда мы говорим о разведслужбе и ее средствах, следует всегда уточнять, что под этим понимаются не войсковые подразделения и средства разведки. С ними у добычи и сбора разведанных тайными службами нет ничего общего. По этой причине позже стали говорить не о «службе разведки», а о «тайной или секретной службе связи».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.